

**Василий Михайлович
Катанов**

**ДУШИ
МОЕЙ
ПРЕДЕЛ
ЖЕЛАННЫЙ**
ПОЭМЫ

УДК 801.8

ББК 84

К 29

К 29

Василий Михайлович Катанов

Души моей предел желанный. Поэмы

/ В. М. Катанов - Орёл:

ООО Издательский Дом «ОРЛИК», 2014. - 288 с.

В сборник известного орловского писателя, поэта и краеведа, автора более тридцати книг, Василия Катанова включены четыре поэмы, написанные в последние годы. Произведения объединяет, в первую очередь, то, что каждое из них посвящено жизни, делам и судьбе конкретных исторических личностей: Иисуса Христа, Михаила Ломоносова, Александра Пушкина, Максима Горького.

Доброта и свет, всегда присущие строке Василия Катанова, бережно пронесены им по страницам новой книги.

УДК 801.8

ББК 84

© Катанов В. М., 2014

© ООО Издательский Дом «ОРЛИК», 2014

УЧИТЕЛЬ

**ПОЭМА
О ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ
И НАСТАВЛЕНИЯХ
ИИУСА ХРИСТА
ВО ИМЯ СВЕТА, ДОБРА
И ЛЮБВИ**

В стране приморской есть Пророк
С судьбой загадочной и тайной.
Румян Он, строен и высок.
И красоты необычайной.
Как золото с Его главы
Волна кудрей до плеч спадает
И прелесть дивной бороды
Невольно зависть возбуждает.
Его глаза - лазурь небес,
Неизъяснима прелесть взгляда.
Он полон истинных чудес
И речь Его для всех услада...
Он весь исполнен доброты,
Чист непорочностью, как дева.
Но иногда Его черты
Полны божественного гнева.
Тогда всё никнет перед Ним,
Он говорит, Он обличает.
Он грозен, Он неотразим,
Он учит, Он повелевает...
Он учит зло обид прощать,
Любить врагов, жалеть беднейших,
В Нём неземная благодать
И Он мудрее всех мудрейших.

Сергей Бехтеев

(из стихотворения «Христос», где почти
дословно дано содержание донесения проконсула
Лентула Тиберию, императору Рима)

1.

Говорила бабушка о Боге
В дальнем детстве
Сердцу моему,
Говорила ласково и строго:
«Надо приготовится к Нему».
Время пережитое, раздайся,
Дай пройти,
Услышать, как тогда:
«Не кури,
Не пей
И не ругайся,
Не бери чужого никогда,
Жизнь наполни добрыми делами.
Помни - пролетит она, как час,
А Господь, Он всюду перед нами:
Любит нас, воспитывает нас».

2.

Забывать минувшее не надо...
Манит скатерть белая к столу.
Зажигает бабушка лампаду -

Золотую звёздочку в углу.
Нам в лицо глядят святые лики.
Даль в окне привольна и чиста.
Праздник в дом пожаловал великий -
День рожденья Господа Христа.
Над селом, над снежными горами
Хороводы звёздные плывут,
Мы сегодня в хате,
Как во храме:
Где - то рядом ангелы поют.

3.

На столе Евангелие снова
Западает в душу строгий слог.
Там слова:
«Вначале было слово»,
Всех важней:
«И Слово было БОГ».
За окном дыханье ветровея,
Край в одежды белые одет.
От Луки, от Марка, от Матфея,
Иоанна
В душу льётся свет.
На душе ни грустно, ни тревожно.
Путь открыт безмерно далеко.
Крик в окне:
«Христа прославить можно?!»
Открываем двери широко.

4.

Забывать минувшее не надо,
Воду пьём из древних родников.
От корней - плоды любого сада.
Как дожди от сизых облаков.
Жизнь без веры - голая пустыня,
Только вера выведет на храм.
То, что было в дальней Палестине,
Предстаёт восторженным глазам.
Как во храм,
Иду к высокой теме.
В мире целом нет важнее тем...
Божий Сын родился в Вифлиееме,
Будь же славен город Вифлием!

5.

Даль седых времён. Начало века.
Нас душил грехов кошмарный груз.
Бог послал на землю человека
С именем простым Иисус.
Матери, рождённой в Галилее,
Храм родным стал с отроческих лет.
Нет земли прекрасней и милее.
Будь же славен, город Назарет!
Книги там священные читала.
Богу жизнь была посвящена.
И душа неверия не знала,
Светом непорочности полна.

6.

Пребывала Девой неизменно,
Вдруг явился Ангел,
Он сказал:
«Радуйся и будь благословенна!»
И рождение Сына предсказал.
С той минуты думала о Сыне,
Вся душа Марии, как в цветку.
В Ней росли невиданные силы,
Набирало сердце высоту.
Подошли намеченные сроки,
Новой эры бурные года:
Высоко над миром, на востоке
Загорелась новая звезда.

7.

Видели волхвы звезду Востока,
Наблюдали в небе, как зарю,
Вспомнили пророчество пророка,
Рассказали Ироду - царю.
Ирод, о себе одном радея,
Задрожал
И, ужасы творя,
Убивал младенцев Иудеи,
Убирал соперника - царя.
Плач стоял от лютого злодейства,
Меч в крови летал над головой...

Души моей предел желанный

И Святое двинулось семейство
На Египет тайною тропой.

8.

Умер царь,
И дни пришли другие.
Ангел весть принёс, как сбросил груз:
«В добрый путь, Иосиф и Мария!
В добрый путь, Господь наш Иисус!»
Счастливы Мария и Иосиф.
Просиял им день,
Как дивный сон.
Вот они во храм Его приносят.
Вот идёт навстречу Симеон.
Видят все от мала до велика,
Как его свершается судьба.
«Ныне отпускаеши, Владыко, -
Молвил старец, - верного раба».

9.

Мы не знаем множества привычек,
Как Он рос,
Стал выше всех наук,
Говорят, лепил из глины птичек,
Вылетали резвые из рук,
Возлюбил занятия земные,
Босиком гуляя по траве.

И ладонью гладила Мария
Малыша по русой голове.
Был пытлив к закатам и рассветам,
Ко всему, что делалось кругом.
Что узнал - запомнил в Назарете,
Обернулось притчами потом.

10.

Шли на праздник,
Шли домой из храма.
Скоро будет виден Назарет.
Ищут удивлёнными глазами:
Где же Сын?
А Сына нет и нет.
Шли назад тяжёлою дорогой.
Будто шли в железных башмаках.
На душе Иосифа тревога,
У Марии слёзы на глазах.
Добрались, измученные души,
Глядь, а Сын среди учителей
Он спокойно спрашивал и слушал,
Удивлял смышленостью своей.

11.

Мать есть мать:
«Ах, что ты сделал с нами?
Без Тебя прошло уже три дня!»
Глянул Отрок синими глазами:

Души моей предел желанный

«Зря вы испугались за Меня.
Дом отца не где - то в чистом поле,
Там, где верой спаяны сердца.
Должен Я служить,
Исполнить волю
В мир Меня Пославшего Отца!»
Шли домой,
Играл ветвями ветер,
Море света было на пути...
Так и жил Он дальше в Назарете,
Вырос и дожил до тридцати.

12.

Годы мудрой зрелости настали.
Возлюбил гору и вид с горы.
Где - то дети в городе играли.
А ему уже не до игры.
Наблюдал Он, стоя на вершине,
Как играло море серебром,
Как туман стелился на равнине,
Исчезая в поле за холмом,
Только не блистающие шири
В нём будили главный интерес:
Видел тень невидимого мира
И лазурь неизвестных небес.

13.

Собирались птицы к непогоде.
Колыхало море корабли.
Он упорно думал о народе,
О большой судьбе всея земли.
Много раз стоял Он на вершине.
Думал, думал, словно что искал.
И сливались чувства воедино,
Словно волны вольные у скал.
Выше гор задумчиво и строго
Вдаль глядел, раздумий смелых полн.
Слушал и слышал
Голос Бога,
Там, где были плеск и говор волн.

14.

Даль седых времён.
Начало века.
Край у моря светом осиян.
Бог послал на землю человека,
На реку святую Иордан,
«Кто ты?» - вопрошали иудеи, -
Может быть, Христос?
Или Илья?»
О единой истине радея,
Отвечал он: «Слушайте, друзья!»
Голос вопиющего в пустыне -
Вот кто я,

Мне имя Иоанн!»
Стало больше света в небе синем,
На земле, где льётся Иордан.

15.

Иоанну путь Господь наметил
Стать Предтече в мире,
Как рассвет,
Принести свидетельство о Свете:
Свет есть Бог, иного в мире нет.
Истину нашёл, не дома сидя,
А в песках пустыни отыскал.
Бога никогда никто не видел,
Он глазами сердца увидал.
В истину вошёл, как в сад цветущий,
И воскликнул, голосом звеня:
«Впереди меня
За мной идущий,
Он явился ранее меня!»

16.

Что милее, ближе и дороже?
Что важней, чем жить, Его любя?
Вот он перед нами, Агнец Божий,
Все грехи Принявший на Себя!
Он сюда пришёл из Галилеи,
Миру явлен волею небес.
Обувь развязать Его не смею,

Кладезь Он знамений и чудес.
Душу Он за каждого положит,
Как Отец, любого возлюбя...
Вот Он перед вами, Агнец Божий,
Все грехи принявший на себя!»

17.

В одиночку шли и вереницей
Люди зрелых лет
И юных лет.
Шли они к Крестителю креститься,
Иисус оставил Назарет.
Подошёл со всеми к Иоанну.
Глянул тот:
«О господи, прости!
Не могу крестить Тебя, не стану!
Я Твой раб!
Ты Сам меня крести!»
Иисус:
«Оставь, да совершится
То, что нам исполнить надлежит.
Правда пусть святая утвердится
И святое дело укрепит».

18.

Молча Иоанн повиновался,
Окрестил Он Господа Христа.

Души моей предел желанный

Голубь прилетел и с ним остался,
Возлюбив священные места,
На плече Христа спокойно сидя,
Он к Нему как будто прикипел.
То был Дух Святой в телесном виде...
Тут же голос с неба загремел:
«Сын Ты Мой Возлюбленный!
Тебе Я
Всё благословенье отдаю,
Равный мне, рождённый в Иудее,
Мир спасешь Ты,
Как одну семью».

19.

Для большого дела окрестился,
Вышел в путь
Навстречу всем ветрам...
Сорок дней - ночей в песках постился,
Всё бродил по долам и горам.
Наконец, почувствовал он голод.
Дьявол тут как тут,
Стал искушать:
Показал на каменные горы:
«Хлеб отсюда можешь добывать?»
Иисус стоял под жарким небом,
Твёрдый и суровый, как гранит:
«Сказано, что ни единым хлебом,
Словом Божьим каждый будет сыт».

20.

Сатана с церковного порога
Вниз толкал: «Бросайся, поспешай!»
Иисус: «Написано у Бога:
«Бога твоего не искушай!»
Царства показал исчадь ада:
«Поклянись! Тебе их предложу!»
Иисус:
«Мне царств земных не надо.
Я Царю Небесному служу».
Становился чище и светлее
Голубого неба океан,
И Господь вернулся в Галилею,
А оттуда вновь на Иордан.

21.

Шёл в одеждах белых Агнец Божий,
Был Креститель радостью согрет,
Двое, Иоанна помоложе,
За Христом отправились во след.
Он спросил, идущих за собою:
«Что вам надо?»
Двое: «Где живёшь?»
Камыши дремали над водою,
В стороне покачивалась рожь.
День сменился вечером туманным,
Разговором долгим
За столом...

Души моей предел желанный

Был один Андреем Первозванным,
А другой апостолом Петром.

22.

В день субботний был он в Назарете,
В синагоге книгу стал читать.
«Да, сбылось пророчество!» - отметил,
Речь текла.
Струилась Благодать.
Знали Его с детства. Неужели
Это Он тут рядом подрастал?
Слушали и чуда захотели,
«Нет, сперва уверуйте!» - сказал,
Обошлись и грубо, и жестоко,
Выгнали из города со зла...
«Нет в своём Отечестве пророка», -
С той поры пословица пошла.

23.

В злобе люди - звери, даже хуже.
Знали же с младенческой поры!
Как злодея вывели наружу,
Чтобы кинуть с гибельной горы.
Убеждал, пророка им читая,
Был душою каждому открыт,
Эта книга самая святая
Да и то, видать, не убедит.
Но не гневом сердце разгоралось,

Боль была за каждого подряд.
Может быть, тогда уже сказалось:
«Господи, не знают, что творят!»

24.

Фарисеи с книжниками вкупе
От народа жили в стороне.
Тот, кто нищ, отсталый или глупый,
Кто богат, тот кесарь на коне.
Берегли великую идею:
Рухнет Рим,
Взойдёт для них заря,
С нетерпеньем ждали иудеи
Появления нового царя.
Не пророка ждали - полководца,
Не для мира ждали - для войны...
Глядь, стоит учитель у колодца
И твердит, что люди все равны.

25.

Он здоров и молод.
Он прекрасен.
От лица струится к людям свет,
Рассуждений вывод прост и ясен:
Все равны, в богатстве счастья нет.
Ни к чему ловчить и лицемерить,

Души моей предел желанный

Надо зла не делать никому.
Главное - любить,
Любить и верить,
Знать, что свет
Одолевает тьму.
Тьма из тьмы,
Как зло от зла рождается,
Как от мести месть,
Из ада - ад...
От добра дорога золотится
И выводит прямо в райский сад.

26.

Гордецы чужих зовут ослами,
Он же все народы возлюбил.
Умный ослик с добрыми глазами
На себе Учителя возил.
Люди, размышлял Христос, как дети,
Плохо берегут себя от бед.
Дети в Канне,
Дети в Назарете,
А на всей планете разве нет?
Заливают мир горячей кровью...
«Ты прости их, господи, прости!
Дай мне силы жертвенной любовью
Их от верной гибели спасти!»

27.

Вскоре в Канне свадьба восшумела.
Был там и Учитель дотемна,
Вдруг глядит:
Посуда опустела.
А какая свадьба без вина?
Он велел водой налить сосуды.
Не водою вышло, а вином...
Доброе евангельское чудо
Обдаёт доньине нас теплом.
В воскресенье, как в любовь, поверьте -
Сила в ней небесная видна.
Знайτε, что любовь сильнее смерти,
В ней, как в бездне,
Не бывает дна...

28.

Новость побыла у всех околиц,
Обсуждали чудо стар и мал.
И приехал в Кану царедворец,
«Болен сын». - Спасителю сказал.
Умолял: «Спасите! Исцелите!
Для меня болезни - тёмный лес».
Иисус: «Поверить не хотите
Без знамений разных и чудес?
Верьте Моему простому слову,
И других не надо больше слов.
Вся твоя семья жива - здорова.
Сын болел - теперь и он здоров».

29.

Всех любя и каждого жалея,
За народ на муки был готов.
Странствовал по милой Галилее
И двенадцать с Ним учеников.
В самарийском городе однажды
Он оставил вечные следы,
От души, сгорающей от жажды,
Попросил у женщины воды.
Та Ему: «Воды подать не смею,
Хоть сама из древних поселян.
Самаряне мы, а иудеи
Презирать привыкли самарян».

30.

«Знала бы, кто Я, какою силой
Благодати свыше наделён,
Ты сама б воды Моей просила,
Всё б хотела пить».-
Ответил Он.
Стал он говорить о жизни вечной.
Но она не сразу поняла.
А когда поверила сердечно,
То Христа пророком назвала.
То жила - была, как чужестранка,
Ровней быть соседям не могла,
В книгу книг попала самарянка,
Равенство со всеми обрела.

31.

Новостью народ заворожила:
«Гляньте, люди, это же Христос!»
Вмиг толпа большая окружила,
Словно здесь родился Он и рос.
На него смотрели изумлённо:
«Бог нам Сына Гостем даровал!»
Он учениками окружённый,
У колодца пищу принимал.
Как же они радовались,
Словно
Вдруг вторая хлынула весна!
Говорил о пище он духовной,
Золотые сеял семена!

32.

В души всех вошла божественная сила
Вдруг вошла сомнения гоня.
«Равви! Поживи у нас! - просили.
Дивный гость провёл у них два дня.
Путь спасенья труден,
Очень труден,
Но зато выводит к высоте.
Во Христа уверовали люди,
Вечный свет увидели в Христе,
Самарянка: «Милые, поймите!
Сам Господь был с нами все два дня.

Души моей предел желанный

Угадал всю жизнь мою Спаситель,
Как узнал, не ведая меня?!»

33.

Сильный духом, нравом самый кроткий,
Как никто умел Он убеждать.
Рыбаки свои бросали лодки,
Шли на рыбу -
Души уловлять.
Он избрал в апостолы двенадцать
На пути во Царствие Небес,
Призывал гонений не бояться,
Научил творению чудес:
«Даром научились исцелению,
Даром и лечите -
В добрый час!»
Ваше слово - слово ко спасенью,
Светел путь для каждого из вас.

34.

В дом любой входите только с миром,
Не ищите лёгкие пути,
Помогайте немощным и сирым
И покой, и радость обрести.
Злых людей везде остерегайтесь.
Будут вас судить - не отрекайтесь:

Дух святой подскажет,
Что сказать.
Полная даётся вам свобода
Исповедь вести в краю любом:
Слово обо мне перед народом -
Словно о себе перед Отцом.

35.

Рощи становились зеленее,
Неба голубее океан.
Шёл и шёл народ из Галилеи,
Из - за речки славной Иордан.
Под листвою пальмовой, узорной,
На траве, сверкающей от рос,
С проповедью, названной Нагорной,
С главным словом
Выступил Христос.
Речь лилась, как вырвалась из плена
Долгих дум, как песня из груди:
«Будьте, духом нищие, блаженны!
Утешенье, к плачущим приди!»

36.

Кроткие наследниками станут
Всей земли - и недр её, и вод.
Годы долгожданные настанут,

Души моей предел желанный

Заживёт по правде весь народ.
За Меня готовят вам гоненье,
Поносить начнут - забудьте страх:
Высоко в народе уваженье -
Велика награда в небесах.
Добрый слух пройдёт земные шири
Из конца далёкого в конец:
Вы же соль земли,
Вы совесть мира -
Станьте совершенны, как Отец!

37.

«Не убий!» - вам сказано когда - то.
За убийство - к строгому суду!
Мой завет:
И не браните брата.
Я же только с миром к вам иду.
Не бросайте слов: «Постой! Безумный!»
За любую брань в аду гореть,
Говорите просто и разумно,
Гнев любой старайтесь одолеть.
С ближним у тебя немало сходства,
Перед ним особо не гордись,
Поимей хоть каплю благородства:
С братом помирись,
Потом молись.

38.

Почитай писание с почтеньем,
Истину святую разумей,
Женщину увидел с вождельем -
Мысленно Закон нарушил с ней.
Клятва - дело страшное, большое,
Бойтесь натворить великих бед.
Не клянитесь небом и землёю,
Просто говорите: да и нет.
Всё, что сверх,
Подбросил вам лукавый...
А теперь о мести, о любви.
Кто за месть горою,
Те не правы:
Все опоры плохи на крови.

39.

«Зуб за зуб и око вам за око!»-
Так учил суровый Моисей.
Тут не всё продумано глубоко.
Мой Завет и глубже, и верней.
Говорю и другу, и врагу я:
Не держи для мести меч в руке.
По щеке ударят - дай другую,
Только будь от злобы вдалеке.
Кто отсудит верхнюю одежду
У тебя, как лютый лиходея,
Ты к нему спокоен будь и вежлив,
И отдай рубашку, не жалея.

40.

Не творите милостыни вашей
Пред людьми, ликуя и трубя,
Лицемеры, те не столько пашут
Сколько шумно чествуют себя
В синагогах молятся открыто,
Будто бы болеют за народ.
А сердца, как каменные плиты:
Их слеза ребёнка не проймёт.
Будьте же, кто милостлив, блаженны,
В тайне дело доброе творя,
Станьте, как Отец Наш, совершенны!
Все мы - дети Высшего Царя!

41.

Жить нельзя, не думая о хлебе,
Но зачем же золото копить?
Главное сокровище - на небе:
Не украсть его и не купить.
Что нам есть и пить?
Во что одеться?
Это важно,
Только не важней,
Чем душа и пламенное сердце
У живущих праведно людей
Дни бегут - стремительные кони
Всех везут
К печальному концу.

Не служите Богу и Мамоне,
Только Богу, нашему Отцу!

42.

Каждый шаг обдумывай глубоко,
За собой внимательно смотри.
Берегись лукавых лжепророков:
С виду - овцы,
Волки изнутри,
Говорят душевно и любовно:
Что ни слово - мёд и тут же яд,
Лжепророк - он вроде, как терновник,
Где расти не может виноград.
Есть примета - в памяти хранится,
Из глубокой древности пришла:
Доброе от доброго рождается,
Злое получается от зла.

43.

Люб светильник, пламенно горящий,
Надо высоко его нести,
Не любой, о Боге говорящий,
Может в Царство Божие войти.
Сердца свет
Светильнику отдайте,
Выверяйте с ним свой каждый шаг.
Волю Божью честно исполняйте.
Веруйте не только на словах.

Души моей предел желанный

Тот, кто делом слово окружает,
Держит факел истины в руке,
Дом на камне он сооружает.
Не возводит домик на песке.

44.

Жизнь не сон под яблонями сада,
Вечный труд для рук и головы.
Не судите ближнего, не надо -
Не судимы будете и вы.
Увидал сучок в глазу у брата,
Свой же глаз забыт давным - давно
В том, своём, вздыхаешь виновато:
Обнаружил целое бревно.
Промахи свои не замечая,
Ты от покаяния далёк.
Вынь бревно громадное сначала,
А потом и вспомни про сучок.

45.

Свет святынь, как радуга в пустыне,
Жизнь святынь прекрасна и долга.
Не бросайте псам свои святыни,
Не мечите свиньям жемчуга.
Попирать не будут их ногами,
Осквернять, на части разрывать,
Свет святынь, как солнце, перед вами,
Души ваши будут освещать...

Всех богатств превыше это - дети.
Воспитанье с детства - это труд.
Что для них мы сделаем на свете,
То они старицей воздадут.

46.

Был богат Учитель чудесами.
И в Неге уверовал народ.
«Вот Он, - говорили, - перед нами!
Божий Сын!
Пророк!
Он мир несёт!»
И пришли послы от Иоанна:
«Ты ли Тот, что должен был придти?»
«Отрицать, - ответил Он, не стану.
Путь Мой - свет, вернее не найти».
Чтил Христос Крестителя глубоко,
Говорил о нём, что он святой:
«Он - пророк и более пророка,
Ангелом предстал передо Мной».

47.

Был слуга у сотника любимый,
Заболел и при смерти лежит,
«Вылечить его необходимо!» -
Голос у хозяина дрожит.
Калернаум - град узнал об этом.
Спрашивали всюду: «Как слуга?»

А слуга прощался с белым светом,
Жизнь до слёз бедняге дорога.
Дождь над ним постукивал по крыше....
Божий Сын сильнее докторов.
Вскоре Калернаум весь услышал,
Что слуга у сотника здоров.

48.

Это было в городе Ниане,
Плач стоял - вспухала голова.
Безутешно плакала о сыне
Возле гроба свежего вдова.
Увидала Гостя и сильнее
Полились потёки горьких слёз.
Подошёл и сжалился над нею,
Поднял сына на ноги Христос.
Сын воскрес, как заново родился
Лица всех улыбками цвели.
«Господи!» - народ перекрестился,
Поклонился низко до земли.

49.

Как прекрасны нивы в мире Божьем!
Шёл Христос, а с ним ученики.
Шли они, любуясь спелой рожью,
Стали рвать колосья в две руки.
Было в поле тихо и просторно.
Ликовала древняя земля...

Растирали рожь и ели зёрна,
Радовались, голод утоляя.
Расшумелись дружно фарисеи,
Фарисеям книжники подстать:
«Вы Закон забыли Моисеев -
По субботам нужно отдыхать».

50.

Глянул Он в лазурные высоты
И сказал великое навек:
«Человек живёт не для субботы,
Господин субботы - человек».
И ещё сказал с негодованьем,
Что у них жестокие сердца,
И к овце имеют состраданье,
Человек дороже, чем овца.
Достают скотину из колодца,
Если там окажется она.
Человек спасти её берётся
От беды в любые времена.

51.

Человек молился сухорукий:
Был таким увечным искони.
Подошёл и снял Спаситель муки,
Только молвил: «Руку протяни!!»
Говорил на улице и в храме:

«Кайтесь, люди!
Близится гроза».
И смотрел глазами со слезами
В злые и холодные глаза,
Совещались втайне фарисеи
И одну, одну тянули речь:
Как Христа убить, а Моисея
До последней буковки сберечь.

52.

Некто Симон пригласил к обеду.
Чествовал Учителя, как мог.
Вдруг ввязалась женщина в беседу,
Волосы рассыпала у ног.
Проливала слёзы и рыдала,
Вся была раскаянья полна,
И пора счастливая настала -
Обрела прощение она.
«Я твоё раскаяние вижу», -
Молвил ей задумчиво Христос, -
Верю спасла себя, иди же!»
И ушла под облако волос.

53.

Люди в храм пошли, как полетели:
Пасха! Шум как от весенних рек...
Тридцать восемь лет лежал в постели

Между тем несчастный человек.
Был на дело доброе готовым
И в субботу Иисус Христос.
«Хочешь ли, - спросил Он, - быть здоро-
вым?»
«Да, хочу!» - страдалец произнёс.
«Встань, возьми постель, - велел Спаси-
тель, -
И, как все, наружу выходи».
Встал, пошёл...
А где же Избавитель?
Где Целитель?
Где - то впереди.

54.

Исцелённый в радости великой
Даже не спросил про костыли...
Фарисеи в ярости до крика,
В злобе дикой
Пеной изошли.
В городе убить его искали...
А Христос бесстрашный, молодой
Скрылся там, где волны рокотали
И кружили чайки над водой.
Продолжал учить и там, у моря,
Говорил о вере дотемна,
И внимали люди на просторе:
«Вышел пахарь сеять семена...»

55.

Открывал он душу перед всеми,
Оставляя глубокие следы:
«При дороге брошенное семя
От жары засохло без воды.
А другое птицы поклевали,
Заглушили тернии, как лес.
Те, что в землю добрую попали,
Дали хлеб под куполом небес.
Что такое семя?
Слово Божье,
Жаль, не всюду пользу принесёт:
Сатана, как вихорь придорожный,
Налетит, сметёт и унесёт.

56.

Люди есть горячие, как пламень.
Люди есть сугроба холодней.
Семена, упавшие на камень.
Не дадут положенных корней.
Люди есть, живущие в полёте,
К небу сердцем
Каждый воспарил.
Человек в печали и заботе
Не взлетел, а крылья опустил.
В поиске богатств и наслаждений
Затерялась жалкая душа...
Где земля приятна для растений,
Там плодами ветка хороша.

57.

Кто имеет уши, да услышит.
Вот засеял поле человек.
Зеленя взошли,
Растут всё выше,
Воду пьют из тучи, как из рек.
И пшеница - радостное дело -
Шелестит с утра и дотемна.
Тут же рядом выросли плевелы -
Это враг рассыпал семена.
Говорят рабы домовладыке:
«Мы очистим поле от плевел».
Тот в ответ: «Урон будет великий».
И до срока трогать не велел.

58.

«Будет жатва - соберём плевелы,
Свяжем их в пучки и бросим в печь.
А пшеницу - радостное дело -
Будем в наших житницах беречь.
При кончине мира будет это:
За добро добром вам воздадут.
Сорняки же, те не взвидят света,
В печь, в огонь крошечный попадут.
Душу к Богу
Поднимай всё выше:
В Нём Одном твой верный идеал...
Кто имеет уши, да услышит,
Не кричи потом, что не слышал.

59.

Семя после доброго посева
Рост большому дереву даёт.
Раздаются райские напевы -
Это птица Божия поёт.
Царство Божье также вырастает
Из семян, где вера велика.
Из закваски малой закисает
Так в больших вместилищах мука.
Будь, как тот купец:
С торгами дружен,
Он всю жизнь сокровища копил.
Но зато жемчужину жемчужин -
Место в Царстве Господа купил».

60.

Вот ещё какое было дело...
В стороне от дуга и реки
В Галилее море восшумело,
Стало страшно - волны высоки.
Задрожали вёсла под руками.
Что же делать в этой кутерьме?
Утомленный многими трудами
Отдыхал Учитель на корме.
Разбудили крики: «Погибаем!»
Он велел волнам не бушевать.
И опять - лазурь над милым краем,
Тишина желанная опять.

61.

Жил Христос в трудах, как тот орадай,
Что от зорьки пашет дотемна...
Человек явился бесноватый,
Словно конь, порвавший стремяна.
В клочья изорвал свою одежду,
Бесами из дома уведён.
Иисус спокоен был и вежлив:
«Как зовут?» -
Услышал: «Легион».
Бесов Он вогнал в свиное стадо,
Стадо тут же скрылось под водой.
Ровною походкою, как надо,
Человек пошёл себе домой.

62.

Иаир - начальник синагоги,
За руку схватил, зажал в горсти,
Он молил, рыдая, рухнув в ноги,
Звал к себе,
Чтоб дочь его спасти:
«Помоги несчастной - ей двенадцать!
Поспеши и руки возложи!»
Трудно было к девочке добраться
Сквозь толпу, что встала, окружив.
А одна больная не просила,
Прикоснулась, веру затая...
Иисус вскричал, теряя силы:

«Кто коснулся?» -

«Я, Учитель, я!»

63.

Пала перед Ним, прося прощенья,
Трепета и радости полна.

Он сказал:

«Вне всякого сомненья,

Знай и верь: ты верой спасена!»

Весть пришла, что дочка Иаира

Умерла - ужасные слова.

Но сказал Держатель судеб мира:

«Бросьте слёзы лить!

Она жива!»

«Встань!» - велел Он,

И девица встала.

«Дайте ей поесть», - сказал Христос,

И толпа от слёз затрепетала,

От счастливых, благодарных слёз.

64.

Шли слепые двое и кричали:

«Иисус, помилуй нас, прости!»

В дом вошли

И в доме не молчали:

«Дай нам свет, Спаситель, обрести!»

«Верите?» - спросил,

И был украшен

Дорогим согласиём ответ.
Он: «Да будет вам по вере вашей!»
И в глаза обоим хлынул свет.
Вышли на широкую дорогу,
Увидали мира красоту,
Повторяя громко:
«Слава богу!
Слава сыну божьему Христу!»

65.

На втором году Его служенья
Грянул гром великою бедой:
Золотой главы усекновенье,
Что была, как солнце над водой.
Иоанн Креститель...
Как гремел он!
Как была душа его чиста!
Он творил божественное дело,
Стал навек Предтечею Христа.
Что для царской дочери забава,
Для царя - случайный эпизод,
Для него - кровавая расправа,
Смерть за правду, веру и народ.

66.

Словно брата милого жалея,
В тяжких муках маялся Христос

Души моей предел желанный

И поплыл на лодке в Галилею,
В глубь песков
Печаль свою понёс.
А народ, Христа опережая,
Поспешал, как в праздник на лугу.
Собралась большая - пребольшая
Тысяч в пять толпа на берегу.
Расстигались сумерки по небу.
Разгорались звёзды - огоньки.
«Надо отпустить людей за хлебом», -
Говорят Ему ученики.

67.

И сказал ученикам Учитель
С добрым сердцем,
С тайной в голове:
«Весь народ на группы поделите,
Рассадите рядом на траве».
Помолились люди, как во храме,
Каждый имя Божье произнёс.
И случилось так:
Пятью хлебами
Все пять тысяч накормил Христос.
Рады люди: «Мы Его прославим!
Всё - равно поставим на своём.
Не захочет - силою заставим,
Иудейским сделаем царём!»

68.

Иисус, задумчивый и кроткий,
В стороне друзей своих собрал
И велел садиться всем на лодку,
В Калернаум плыть им приказал.
Небосвод созвездьями светился.
Стихли птицы,
Спать уже пора.
Иисус на гору удалился.
Там стоял, молился до утра.
Лодка уплыла с учениками.
Поначалу - тишь и благодать.
Вдруг поднялся ветер и волнами
Стала буря лодку заливать.

69.

Всю - то ночь во тьме
Боролись в страхе
С ветром шалым
С бурною водой.
Звёздочки попрятались, как птахи.
Скрылся в тучах месяц молодой.
Заметались все, что были в лодке.
Вдруг - такого не было нигде.
Как по суше, твёрдою походкой
К ним шагал Учитель по воде.
Пётр пошёл к Нему, да остутился,
Стал тонуть.

«Спаси меня!» - вскричал.
«Маловер! Зачем ты усомнился?» -
Руку дав, Господь ему сказал.

70.

Шёл Господь из Вифсаида - града
И спросил своих учеников:
«Что там говорят,
Мне ведать надо,
Кто я, по - народному, таков?»
«Кто зовёт Ильёй, кто Иоанном,
Вот, - сказали, - слухи каковы».
«Дальше я расспрашивать не стану
Знать хочу, что думаете вы».
«Ты - Христос,
Ты - Сын Живого Бога». -
Симон - Пётр ответил в тот же миг,
Иисус: «Светла твоя дорога.
Будь блажен среди спутников Моих.

71.

Мой Отец дал обо Мне познание -
Ты пошёл по правильным следам.
Камень ты
И вот на этом камне
Церковь Я великую создам.
Не разрушат легионы ада.
От неё даю тебе ключи.

Вера - всей души твоей улада.
Но пока о многом помолчи.
Раньше срока говорить не будем.
Час придёт - откроюсь на века...»
Но молва пошла гулять по людям,
Как волна при шуме ветерка.

72.

Вдруг Он тайну выложил открыто
От неё на лица пала тень:
«В Иерусалиме быть убитым
И воскреснуть Мне на третий день».
Молвил Пётр с поникшей головою,
Чья душа была потрясена:
«Да не будет этого с Тобю!»
Он в ответ: «Изыди, сатана!
По - земному судишь ты привычно.
Я же друг, душой на небесах,
Пострадать за истину прилично.
Ждёт Отец
От Сына
Этот шаг».

73.

Он стоял под синим небосводом.
Был открыт и ветру, и дождям.
И опять беседовал с народом,
Слово говорил ученикам.

Целый мир, налитый тишиною.
Слушал голос Господа живой:
«Крест возьми, тогда иди за Мною.
Без креста не следуют за Мной.
От всего обязан отрешиться,
Если стал Моим учеником
Кто Меня, речей Моих стыдится,
Тот со Мною просто не знаком».

74.

Было так.
Спаситель наш молился,
А когда молиться перестал,
Ученик пришёл и обратился,
Про мечту заветную сказал:
«Я б хотел молиться,
Как Креститель.
Может, мне совет, Учитель, дашь?»
Дрогнули невидимые нити -
Прочитал Учитель: «Отче наш».
Дал совет молиться с упованием,
С постоянством, верою большой
Каждый раз с особенным старанием
И всегда с открытою душой.

75.

Вновь Христа с горячим интересом
Слушали в одной из синагог.

Женщине, страдающей от беса,
Стать вполне здоровой Он помог.
Руки возложил и нет недуга:
Стан сумела выправить она.
Слух пошёл.
Дивилась вся округа:
Восемнадцать лет была больна.
Гневался Начальник синагоги:
«Вновь лечил в субботу!
Это - грех!»
Постоял Спаситель на пороге
«Лицемер», - сказал ему при всех.

76.

«Кто всех больше в Царствии Небес-
ном?» -
Крикнул кто - то, к истине спеша,
«Хочешь знать?» - воскликнул Он. - Чудесно!
И к народу вывел малыша. -
Если вы не станете, как дети,
Не войдёте в Царствие вовек
Ничего дороже нет на свете,
Чем дитя - растущий человек.
Думаю в печали о душе я:
Кто таких вот малых соблазнит,
Легче камень с мельницы на шею,
Чем та казнь,
Как Бог его казнит.

77.

Звал Христос сердечными словами
Старого и малого к добру.
Иерусалим.
Народ во храме.
А Спаситель вновь, как на ветру.
Фарисеев шумное семейство
Собралось и ну своё трубить.
Женщину за грех прелюбодейства,
Мол, камнями следует забить.
Иисус печальными глазами
Посмотрел - судьба её плоха.
«Брось в неё, - сказал Он, - первый ка-
мень,
Тот из вас, кто ходит без греха».

78.

К женщине приблизился Учитель,
И, вздохнув, участливо спросил:
«Где же, покажи, твой обвинитель?
Вижу, что никто не осудил».
«Да, никто,». - сказала молодая,
Тяжкий камень пал с её души.
Иисус: «И я не осуждаю.
Что ж, иди и больше не греши».
Гордые толпились фарисеи -
Каждый занят собственной судьбой.
«Он Закон нарушил Моисеев», -
Толковали хмуро меж собой.

79.

Было чистым небо голубое.
Луг в цветах - подобие ковра.
Видел Иисус перед собою
Иоанна, Иакова, Петра.
Красен мир от моря и до моря.
Хороши деревья и цветы.
Вчетвером стояли на Фаворе
Перед ликом редкой красоты.
Иисус усиленно молился,
Ночь пришла. Троих сморило сном...
Хлынул свет - Господь преобразился,
Встал, как белый ангел, над холмом.

80.

Сон исчез,
Глаза открыли трое,
Принимая явь душою всей:
На горе в беседе меж собою -
Иисус, Илья и Моисей.
Был Христос, как солнце, ликом светел,
В ризе белой - белой, словно снег...
Где - то рожь ласкал душистый ветер.
Где - то брёл с котомкой человек.
Облака по небу шли куда - то
Лебедь белый плыл по лону вод...
Здесь происходило то, что свято,
Что вовек в народе не умрёт.

81.

Был Христос в сиянии и славе,
Как магнит, притягивал сердца.
Пётр сказал:
«Вот хорошо б оставить
Этот миг, чтоб не было конца!»
Золотой звенел у речки колос.
Шёл корабль под парусом тугим.
Тут же встало облако -
И голос
Загремел под небом голубым:
«Сын Мой есть возлюбленный, в котором
Всё благословение Моё!»
Задрожали каменные горы,
Приняв звук в хранилище своё.

82.

Устрашась, попадали на лица,
На зелёный травяной покров.
Стали часто - часто колотится
Добрые сердца учеников.
Подошёл сияющий Учитель,
«Встаньте и не бойтесь!» - приказал, -
Никому пока не говорите,
Что из вас тут каждый увидал».
Славное Его Преображенье
Люди стали праздновать с тех пор.
А тогда шли, полные волненья
Шли с горы по - имени Фавор.

83.

Под горой народ уже толпился.
Шли к нему, приветствовать спеша.
А один с бедою обратился:
«Болен сын - болит его душа.
Говорил уже с учениками -
Ничего поделать не могли.
Прикоснись волшебными руками.
Дорогого сына исцели».
«О, неверный люд и развращённый!
Вас учить - нести громадный груз!» -
Крикнул, горькой думой отягчённый.
На своих друзей Иисус.

84.

Пожалел несчастного, как брата
«Сына приведи!» - велел Господь.
Пал на землю бедный бесноватый:
Дух томился, буйствовала плоть.
«Вылечи! - молил в слезах родитель. -
Мук таких не пожелать врагу».
«Веруешь? - спросил его Спаситель.
«Верую!!!» - вскричал, - Ей - ей, не лгу!»
«Выйди, дух! - сказал Учитель гневно. -
Выйди вон и больше не входи!»
Вылечил! Был рад отец душевно,
Прижимая отрока к груди.

85.

«Почему мы беса не изгнали?» -
Стали вопрошать ученики.
«Вы в капкан неверия попали,
Потому и руки короткие. -
Отвечал и убеждал примером, -
Даже гору сдвинуть суждено.
Если вера
Малого размера,
Ну, хотя б с горчичное зерно.
Вера совершенная - отрада,
Сил родник и свет,
Великий свет.
Грош цена торжественным обрядам,
Если в них глубокой веры нет».

86.

И пришёл Учитель в Галилею,
В милый край, где с отрочества рос.
Там, душевно спутников жалея,
Горестное слово произнёс:
«Опечалю вас я этой речью,
Дорогие, верные друзья:
Буду предан в руки человечьи,
А на третий день воскресну я!»
Ничего не поняв, промолчали.
Молча шли средь пашен и лугов.
Не сходило облако печали

С той минуты
С лиц учеников.

87.

Вёл Христос беседу честь по чести
О душе, что верую живёт.
Думали, оставит при вести:
Мать пришла и братья у ворот.
У Него душа была не камень.
Только веры свет
Важней родни,
«Я, - сказал, - горжусь учениками,
Воле Бога следуют они».
И ещё отметил, что чудесно,
Если в ком пребудет Дух Святой:
Кто исполнен волею небесной,
Тот, ему как мать и брат родной.

88.

Юноша богатый и беспечный,
На колени встав,
Спросил Христа:
Как найти дорогу к жизни вечной?
В чём есть жизни смысл и красота?»
Заповеди знал он, несомненно,
Иисус напомнил: «Выполни!»
Если стать желаешь совершенным,
То своё имение продай.
И раздай всё бедным, не жалея.

Души моей предел желанный

Если нет, мечтать - напрасный труд.
Труден путь.
Протиснется скорее
Через ушко игольное верблюду.

89.

Вопрошал знаток законов многих,
Путь - дорогу к вечности искал.
Рассказал Христос, как у дороги
Человек, избитый весь, лежал.
Постарались рыцари разбоя:
Был раздет от головы до ног.
Двое очень занятых собою,
Мимо шли,
А третий шёл - помог.
Двое шли, беседуя беспечно.
Третий же в гостиницу отвёз.
«Он - то и достоин жизни вечной.
Вот тебе ответ», -
Сказал Христос.

90.

В холодке древес,
Под чистым небом
Иисус учил учеников:
«Человек, собравший горы хлеба,
Богатеть и далее готов.
Но Господь, мечты его подслушав,
Так решил...

Тот день не за горой:
Ангел прилетит и примет душу,
И заруют прах в земле сырой...
Будь богат не для себя - для Бога.
Ради блага ближнего живи.
Самая хорошая дорога -
Путь добра, надежды и любви».

91.

Марфа домом занята
Мария
Чувств была неизвестных полна.
Иисуса речи золотые
Целый вечер слушала она.
Попросила Марфа: «Пусть поможет!»
Гость в ответ: «Не надо ей мешать.
Ничего на свете нет дороже,
Чем словам Писания внимать.
Хороши и мудрость, и отвага,
Нежность, упоение труда.
Но души спасенье - это благо,
То, что не проходит никогда».

92.

Утром ранним,
Вечером ли синим
Притчами любил учить Христос.
Рассказал одну о блудном сыне,

Что в немалой роскоши возрос.
Половину выпросил имения,
Промотал, вернулся босиком.
Дом увидел - рухнул на колени,
Не посмел войти в родимый дом.
Но отец обнял, возвеселился,
Чувства был не в силах побороть.
Сын пришёл, как заново родился!
Так встречает грешника господь.

93.

Это в назидание богатым.
Жил один, всё больше пировал.
У ворот с утра идо заката
Подаянья Лазарь ожидал.
Дома хлеба не было ни крошки.
В струпьях весь.
Гонения терпел.
Из грязи на барское окошко
Он глазами грустными глядел.
Смерть пришла - на небе оказался.
Там в жилища праведных попал...
Жуткий мир богатому достался:
Пламя ада с горечью глотал.

94.

Возопил в дыму он, как в тумане:
«Лазаря пришлите с высоты!»

И ещё просить не перестану:
Пусть водою смочит мне персты,
Спасу нет от пламени и смрада.
Пусть язык мой Лазарь освежит!»
Был ответ:
«Меж Лазарем и адом
Пропасть непролазная лежит».
Богатей: «Страдаю я жестоко.
Братья пусть живут и не грешат».
С неба - глас:
«Да слушают пророков,
Чаще в книги умные глядят!»

95.

Вёл Учитель долгую беседу,
Утверждая в людях Благодать:
«Надо лучше жить, чем жили деды,
Справедливость миру даровать.
Я есть Пастырь добрый, не наёмный,
За своих овец стою стеной.
Потому - то с радостью огромной
Все они и следуют за Мной.
Мне Отец не зря доверил стадо.
Я в Отце, а Мой Отец во Мне».
Фарисеи слушали с досадой,
Были в злобе лютой,
Как в огне.

96.

Продолжал Он речь свою упрямо:
«Не сносить мне, вижу, головы.
Говорите: «Дети Авраама».
А Меня преследуете вы.
Я не Сам пришёл.
Я послан Богом.
Так с чего ж бесчестите Меня,
Ложью устилаете дорогу,
Словесами громкими звеня?
Брата Я увидел в Аврааме.
Близок Мне и дорог Авраам!»
Фарисеи с гневными глазами
Бить Его надумали камнями....
И тогда Господь покинул храм.

97.

Лазарь - друг четыре дня во гробе.
Поспешил в дом Лазаря Христос.
Две сестры в рыданиях и обе
Пятый день не сдерживают слёз.
Иисус задумался печально.
Был пещерным мраком окружён.
«Выйди вон!» - сказал
И в погребальных
Друг в одеждах встал и вышел вон.
Состоялась добрая вечеря.
Лазарь ликовал,

Сиял Христос.
Долго - долго говорил о вере...
Слушали - растрогались до слёз.

98.

Речь повёл Учитель о разводе:
«Что вам заповедал Моисей?
Написал письмо и пусть уходит,
От жены уходит, от детей.
Заповедь сия жестоким сердцем,
Не добром и ладом рождена.
Брак - союз любви единоверцев:
Верный муж,
Достойная жена.
К мужу пусть жена да прилепится
Навсегда:
Они - едина плоть.
Плоть рубить разводом не годиться!»
Вот как заповедывал Господь.

99.

«Я - свет миру, - говорил во храме, -
Жизни свет, спасающий от тьмы».
Фарисеи с гневными глазами
Подшли: «Не так считаем мы.
Сам несёшь свидетельское слово
О Себе в народные сердца».
Иисус спокойно и сурово:

Души моей предел желанный

«Говорю Я волею Отца».
«Где Отец Твой?» -
Спрашивали строго...
Он, как всадник севший на коня:
«Как же вам найти к Нему дорогу,
Если вы не знаете Меня?»

100.

«Во грехе, - Он говорил, - умрёте.
Ухожу, куда вам не дойти».
Был Он, словно птица при отлёте,
При начале нового пути.
«Знать, Себя убьёт», - решили люди.
Отвечал для них,
Сказал для всех:
«Как бы ни был путь суров и труден,
Помните: самоубийство - грех.
От греха душа да будь свободна!
Сохраните чистые сердца!
Делайте, что господу угодно...
Говорю от имени Отца».

101.

Перед Пасхой было это.
Ликованье было на земле.
Иисус - пророк из Назарета
В главный город
Въехал на осле.

Будь же вечно памятью хранимо
Для большой истории, для нас:
Звёздным часом Иерусалима
Иисуса стал великий час...
Будь же сердцу каждому желанно
Торжество народа без помех!
Город весь запел Ему:
«Осанна!»
Ну, а дети пели громче всех.

102.

Фарисеи радостным напевам
Зло внимали, молча стиснув рот.
Наблюдали с завистью и гневом,
Как Его приветствовал народ.
Прилагать готовили старанья,
Чтоб сорвать прекрасное из чуд...
Верил Он, исполненный вниманья:
Люди смолкнут - камни запоют.
Видел то, что временем сокрыто:
Распахнёт ворота вражья рать;
По камням зацокают копыта,
Будет смерть по улицам гулять.

103.

Что же в храме делается ныне?
Не понять такого, хоть убей:
Деньги стали главной святыней.

Души моей предел желанный

Продают волов и голубей.
Божий Сын решителен и ловок,
Он - гроза менял и торгашей.
Сделал бич тяжёлый из верёвок
И погнал торгующих взащей.
Видеть рынки всякие нелепо,
Где молится должен человек.
«Сделать храм разбойничьим верте-
пом?!
Крикнул Он. - Не быть тому вовек!!!»

104.

Вышел Иисус с учениками,
И один воскликнул ученик:
«Что за храм - красавец! Что за камень!
Беден для хвалы его язык».
Но Учитель думал не о давнем,
Думал о грядущем грозном:
«Камня не останется на камне -
Вот какой тут близится погром».
«А когда?» - спросили
Без ответа
Он оставил надолго вопрос.
«Бедствия - грядущего приметы.
Берегитесь! - вымолвил Христос.

105.

Берегитесь слушать лжепророков,
Их слова на веру принимать.

Будут вас преследовать жестоко.
Будут мучить, даже убивать.
Будете безжалостно гонимы.
Храм старинный больше не жилище.
И тогда - то Иерусалима
Роковой приблизится конец.
Будет он врагами попираем,
День придёт, как ветер штормовой.
О кончине мира мы не знаем:
Бог - держатель тайны мировой.

106.

В солнечное глядя лучезарство,
Знай, что время бед не за горой.
На народ - народ,
На царство - царство,
Дети на отца идут войной.
На луне, на солнце и на звёздах
Грозный знак
Знаменья дадут.
Берегись, молись, пока не поздно.
Небеса твоей молитвы ждут».
Небеса - великая держава.
Края нет и краше тоже нет.
Божий сын в сияние и славе
Воспарит, сказав:
«Да будет свет!»

111.

Воздаётся каждому по вере
Много ль веры?
Судят по делам.
Состоялась тайная вечеря,
И была та комната, как храм.
Снял Спаситель верхнюю одежду,
Полотенце взял, налил воды,
Говорил всем ласково и нежно,
Совершая важные труда.
«Вы чисты», - твердил Он, повторяя.
«Вы чисты, - вздыхал Он, да не все».
Был печален, хлеб благословляя,
В центр всего застолья присев.

112.

Грустен был, когда покоил тело,
На подушки мягкие возлёт...
Мысль в мозгу предателя гудела
И звала злодея за порог.
«Что задумал, совершай скорее», -
Подсказал задумчиво Христос.
И пошёл Иуда к иудеям,
Душу продавать свою понёс.
Ночь нависла чёрная, как сажа.
Выбор сделан, как тут ни толкуй.
И пошёл туда он, где в продаже
Честь и совесть, Даже поцелуй.

109.

Слушали Спасителя с испугом.
Он твердил настойчиво своё:
«Возлюбите, милые друг друга
На пути в небесное житьё.
Ухожу, и дело это свято».
«Я с Тобой!» - рванулся Пётр вперёд.
«Трижды отречёшься от Меня ты,
Лишь петух три раза пропоёт».
Дрогнул Пётр, Учителя жалея.
Тронут был прощанием до слёз...
Вышли в сад.
Шагали по аллее,
Гул во тьме родился и возрос.

110.

Говорит Учитель, словно пишет:
«Всё пройдёт - слова не перейдут.
Кто имеет уши, да услышит:
При кончине мира будет Суд.
На престол в сиянии и славе
Сядет Бог.
Разделится народ:
Праведные двинутся направо,
Грешный люд налево отойдёт.
Вечно жить во Царствии Небесном,
Кто при жизни бедному помог.

Ну, а в ком ни совести, ни чести,
Тех не пустят даже на порог».

111.

День последний поздно или рано
На Христа прощальный кинет взгляд.
Иакова, Петра и Иоанна
Взял с собой в Гефсиманский сад.
В сад вошли от всех они отдельно.
От деревьев веяло весной.
Он сказал: «Душа болит смертельно.
Побывайте, други, тут со Мной».
В расстояньи брошенного камня
Пал Учитель, пламенно молясь.
Под Его горячими руками
Замирали травы, серебрясь.

112.

Спящими нашёл друзей Учитель.
Попросил не спать
И снова - сон...
Только ангел был Ему хранитель:
Прилетел, покинув небосклон.
Молвил Он Моление о чаше:
«Отче, мимо чашу пронеси...»
Синий свод был звёздами украшен
Точно так, как ныне на Руси.

Ни Ему знамения, ни чуда.
От колодца - звон зеркальных струй.
Где - то в путь готовился Иуда,
Заготовив страшный поцелуй.

113.

Впереди вышагивал предатель.
Подошёл. Подал условный знак.
Целоваться так было некстати.
Но, увы! был сделан этот шаг.
Посмотрел Спаситель со вниманьем.
Перед Ним Иуду била дрожь.
«Предаёшь, - сказал он целованьем?
На большие муки предаёшь?!»
Сделал шаг Он к первому солдату:
«Ищешь Иисуса? Вот Он - Я».
В тот же миг исчезли все куда - то:
Разбежалась дружная семья.

114.

Рядом люди с кольями, мечами,
Раскричались, воя и браня...
«Я же вас учил недавно в храме?
Что же вы напали на Меня?
Вы тогда меча не поднимали.
А теперь, похоже, время тьмы?
Воины в ответ Ему сказали:
Действуем по воле власти мы».

Души моей предел желанный

Как преступник схвачен был и связан.
Всё пошло к печальному концу.
За ответы смелые наказан
Был Христос ударом по лицу.

115.

Привели в высокие палаты.
Там уже начальство на ногах.
Слугам во дворе холодно вато:
Жгли костёр, дрова несли в руках.
Взор Петра тоскою затуманен.
Вдруг вопрос к нему от верных слуг:
«Не с тобой ли был Галилеянин?
Не тебе ли Он - ближайший друг?»
Промолчал. Но слуги не молчали.
Отрекался трижды: «Нет и нет!»
Петухи внезапно закричали...
Пётр заплакал горестно в ответ.

116.

Разорвать учителя готовы:
«Ты Сын Божий?»
Гнев горел в глазах.
Отвечал спокойно и сурово:
«Можете увидеть в облаках».
Стал первосвященник рвать одежды:
«Он признался! Слышали иль нет?» -
«Не нужны свидетели!

Мятежник!» -
Богохульник!!» -
Вторили в ответ.
Били по лицу.
В лицо плевали...
Утром заседал синедрион.
«Смерть Ему!» - торжественно сказали.
Наконец, к Пилату приведён.

117.

От Пилата к Ироду водили.
Рассмотрели там со всех сторон.
Никакой вины не находили...
Снова заседал синедрион.
«Отпустить? - сказал Пилат народу, -
На подходе праздничные дни».
Но первосвященникам в угоду
Взвился крик:
«Распни Его! Распни!»
О, да не пригрезится ночами
Эта злая быль далёких дней!
Били Неповинного бичами,
Все большее били и больней.

118.

Брошен крест.
На крест и положили.
Гвозди приготовили - пора.

Молча в небе коршуны кружили,
В жутком деле тоже мастера.
Поднят крест.
Осталось ждать немного -
Целый мир исчезнет за чертой...
Люди руку подняли на Бога,
Сына Бога,
Дух Его Святой.
Стала даль непроходимым лесом.
Скоро ль солнце новое взойдёт?
В храме - треск:
Разодрана завеса.
Горько плач, покинутый народ!

119.

Пребывали люди, как в дурмане,
Он же повторял в большой тоске:
«Или, или, Лама Савахвани!» -
На родном ромейском языке.
Думали, Его не понимая,
Что зовёт пророка Он Илью...
Мать Божья, слёзы проливая,
Вспоминала молодость Свою.
На руки брала и целовала,
За руку вела Его во храм,
Он теперь не много и не мало -
Весь в крови
Предстал Её глазам.

120.

Мать была в безвыходной печали:
Целый мир, как саваном, покрыт.
И Она истошно закричала,
Стала плакать горестно, навзрыд.
К сердцу груз горы тяжеловесней.
Где же ты, жизнь, во всей живой красе.
Он воскреснет!
Знала, что воскреснет,
Но ведь умер,
Умер - то, как все?!
Волосы рвала в тоске великой:
«Господи! Прости Меня, прости...»
Он внимал отчаянному крику,
Но не мог от боли увести.

121.

Он воскреснет!
Не было сомненья.
Не было? Да, не было! И всё ж...
Умирают раньше воскресенья.
Умирают!!!
Как это снесёшь?
Видела Она, как из тумана,
Слышала про новое житьё.
«Это Мать тебе», - для Иоанна.
«Это сын Твой» -
Слово для Неё.
Вся Она - любовь,

Души моей предел желанный

Сама сердечность.
Свет в глазах доныне не погас,
Обращённый в вечность, бесконечность.
Значит в сердце каждого из нас.

122.

В полдень тьма по миру расстелилась,
Горы, доли пологом покрыв.
Укус принял - выдохнул: «Свершилось!» -
Смолк Страдалец, голову склонив,
И ещё успел Он:
«Отче в руки
Предаю Мой дух», -
Успел сказать.
Более ни слова и ни звука...
Стало горе землю сотрясать.
Из могил покойники вставали,
Шевелились мёртвые тела...
«Он Сын Божий!» - воины сказали,
И тоска в их души залегла.

123.

Подошла пасхальная суббота.
Даль была угрюма и пуста.
Воину ещё одна забота -
Перебить колени у Христа.
Глянул: мёртв.
И тут же передумал,
Но заданье выполнил своё:

В бок Христа без трепета и шума
Он вонзил тяжёлое копьё.
Разошлись, от страха холодея,
Покидая жуткие места.
Но Иосиф из Аримафея
У Пилата выпросил Христа.

124.

Тело взяв, обвили плащаницей,
Отнесли в пещеру положить.
Заиграла зорька - заряница,
Стали птицы с криками кружить.
У Пилата выпросили стражу,
Не посмел правитель отказать,
Чтобы вдруг не сделалась пропажа,
На камнях поставили печать.
Сторожа во все глаза глядели,
Малую усматривали тень...
Неужели встанет?
Неужели?
И настал недели первый день.

125.

Вдруг пошло великое потрясенье
По лицу земли,
Раздался гром.
Ангелов двух сразу появленье
И сиянье чудное кругом.

Души моей предел желанный

Камень отодвинули от гроба.
Заметалась стража у камней.
Каждый ангел был белей сугроба,
А глаза - сияние огней.
Тут, шаги нежданные услыша,
Припустились воины бежать...
Божий Сын на волю молча вышел -
На лице сияла Благодать.

126.

Шли ко гробу утром две Марии -
Божья Мать и Магдалина с Ней.
Ароматы взяли дорогие.
Боль на сердце камня тяжелей.
С крыльями вдруг юношу узрели.
Он сидел на камне, будто врос,
Неужель воскрес Он?
Неужели?!
И спросили тихо: «Где Христос?»
Взор одной печалью был изранен.
Взор другой чуть криком не кричал.
«Нет Его! Воскрес ваш Назарянин!»-
Ангел им спокойно отвечал.

127.

Для восторга есть уже причина,
Но печаль жила ещё в груди.
Шла одна Мария Магдалина.

Вдруг сладчайший голос позади.
Бросилась к ногам Его:
«Учитель!»
Он: «Не прикасайся! Мне к Отцу!
В Галилею братьев позовите.
Встреча - там».
И хлынул свет к лицу...
Шли Ему другие поклониться:
Гроб пустой увидели и плат.
Звонко разговаривали птицы,
Где кружила смерть три дня назад.

128.

Воины о чуде рассказали.
Власть искала выход и нашла.
Слух пустили:
«Прах Его украли».
Уверяли: «Стража подвела».
Подхватили это фарисеи.
Истина была им не нужна.
А Христос живой ходил и сеял
В души близких веры семена.
Как никто, богат духовным хлебом,
Он учеников на подвиг вёл
И вознёсся в солнечное небо
Одесную Бога
На престол.

129.

И такое памятью хранимо -
Не один об этом рассказал:
Появлялся в доме Он незримо
И, незримый, снова исчезал.
Были в доме запертыми двери,
Где гостил с Клеопою Лука.
Вдруг они глядят, глазам не веря:
Иисус, как гость издалека.
Говорил: «Сомнения гоните!
Мир вам всем! Примите Дух Святой!»
Снова стал невидимым Учитель.
Оказался где - то за чертой.

130.

Из земного вырвался Он плена
И познал могущество Небес:
Проходил незримо через стены,
Вновь готов к творению чудес.
Разве в жизни не случилось с нами
Что - то непонятное пока?
В море бурном,
В поле и во храме
Достаёт Всевышнего рука.
Ни к чему гадать и лицемерить,
Поиск тайн кому - то доверять?
Надо лишь любить, мечтать и верить.
Голос Неба сердцем принимать

131.

Вознесённый в небо голубое,
Он остался в памяти друзей...
Вдруг раздался шум над головою,
Был, как буря,
Даже посильней.
Шум затих, как будто растворился,
И затем, как чудо на века,
Каждому на голову спустился
Свет - огонь
Навроде языка.
Люди стали к странствиям готовы,
К бедам тяжким, к бурям на морях:
Понесли евангельское слово
По земле на разных языках.

132.

По горам высоким и долинам
Ветру, встречу летящему в лицо...
В Рим пришла Мария Магдалина,
Принесла пасхальное яйцо.
Принял дар и выслушал Тиберий,
Что сказали женские уста.
Тронут был рассказами о вере
И о муках Господа Христа.
Пожелал Его зачислить в боги,
Дело пропустить через сенат.

Но случилось что-то по дороге,
Взял он слово царское назад.

133.

Кесарь новый правил без боязни
Трубил по - своему с плеча:
Подвергал людей
«Изящным казням»,
Как потом историк отмечал.
Шли в небесный край обетованный
За живое слово о Христе:
На кресте - апостол Первозванный,
Пётр - апостол тоже на кресте.
Рухнул Рим и пала Иудея.
Наступила новая пора.
К нам от греков вера, молодая,
Прилетела на берег Днепра.

134.

Пробежали годы, словно кони,
Вера поднялась кругом, как лес.
Услыхали греки на Афоне
От Самой Марии:
«Он воскрес!»
Слово Богородицы желанно.
Сам господь Её слово подсказал...
На Днепре недаром Первозванный
Киев - град во славе предсказал.

Возгремела Русь колоколами
На века, на долгие века.
И везде Христос в иконной раме.
Вера православная крепка.

135.

К Иисусу время было глухо,
Но Собою мир Он охватил.
Первый возвестил Он царство духа
И дорогу в вечность осветил.
Он создал религию, в которой
Нет границ навеки, навсегда.
Это выше, чем любые горы,
Ярче, чем ярчайшая звезда.
Личность колоссального размера,
Он велик и чист, как Божий Свет.
Нет во всей истории примера,
Равного Христу,
Доныне нет.

136.

Он пришёл по избранной дороге
К самой удивительной судьбе.
Никогда не спорил он о Боге,
Просто Бога чувствовал в Себе.
Он, мирского счастья не имея,
Жил Отцом и жизнью всех людей,
Беззаветно преданный идее,

Души моей предел желанный

Как чистейшей совести своей.
Благородство высшее находим,
Идеал - нет выше и верней,
Всё, что есть прекрасного в природе,
Всё, что есть возвышенного в ней.

137.

Радую, печалю и тревожа,
Жизнь идёт размеренно вперёд.
Превзойти никто Его не может,
Если только Сам Он не придёт.
Забывать минувшее не надо.
Вот опять, как много лет назад,
В нашем храме свечи и лампы
Перед ликом Господа горят.
Мы в своём желании едины,
Мы в своём движении прямы.
Льётся свет на русские равнины,
Льётся свет на русские холмы.

138.

Снова лёд на речке шевелится
У деревни древней на виду.
Слышу - разговаривают птицы,
Вижу - гнёзда вьют в моём саду.
Всё, как будто видится впервые:
Рек разлив и ранние цветы.
Хороши просторы луговые,

Чуден мир воскресшей красоты.
Отошли, как сон, мороз и вьюга.
Отстрадал своё угрюмый лес.
Повторяем радостно друг другу
Солнечную весть: «Христос воскрес!»

139.

Да, воскрес!
Да, заново родился!
Дух воскрес, воскресла даже плоть...
Силе зла нигде не покорился
На земном пути Своём Господь.
Было Слово первое у Бога,
Он - Творец и неба, и земли,
Свет желанный - к вечности дорога.
Мы её на радость обрели.
Воссияло солнце из тумана.
Вырван мир из холода и тьмы...
Льётся свет на русские поляны,
Льётся свет на русские холмы.

140.

«Забывать минувшее не надо!» -
Нам могилы предков говорят.
Звёздным светом
Свечи и лампы
Перед ликом Господа горят.
Хор поёт возвышенно о главном:

Он воскрес!
Он смертью смерть попра! —
Любо сердцу в мире православном!
Это счастье Бог нам даровал.
Укрепили веру нам святые,
Чьи сердца любовью налиты,
Русских храмов главы золотые,
Русских храмов строгие кресты.

141.

С верою, полученной от греков,
Мы свели мечту былых времён.
Стали славить Богочеловека
Наш Владимир,
Наш Илларион.
Русь в крестах и звоне колокольном
Смело долю приняла свою.
Были мы добры и хлебосольны,
Были мы решительны в бою.
Навалилось время лихолетий.
Шли враги, кричали: «С нами Бог!»
Зашумел в знамёнах алых ветер,
К нам пришла Победа на порог.

142.

Говорила бабушка о Боге,
А теперь и сам я говорю.
Провожая,

Стоя на пороге,
Может быть,
Последнюю зарю.
Привыкаю к пасмурной печали,
Но душой, как в юности, крылат.
Слышу соловьиными ночами
Голос Неба в россыпи рулад.
Завтра, верю, день придёт весёлый,
Воссияет даль светлым - светла:
Русь - подножье Божьего Престола
Нам поёт - гремит в колокола.

143.

Прошлое в познаниях милее.
Наших предков даль светлым-светла:
Сирии простор и Галилеи -
Там, где Богородица жила.
Как душой пройти такое мимо?
К тайне тайн я сердцем прикоснусь:
В имени Иерусалима
Тоже Русь жива,
Святая Русь.
Мы не даром приняли глубоко
Слово, обращённое и к нам:
Вечный зов Учителя,
Пророка -
Зов, как гром,
Прошёл по небесам.

144.

Русский дух, высокий и державный,
Рос и креп в народе с каждым днём:
Стал опорой веры православной,
Словно парус в море штормовом.
Возлюбила издавна тревога
Наш народ бесстрашный и прямой.
Враг не раз бежал
По всем дорогам
Прочь от наших сёл и городов.
Всем героям - пламенное слово,
На молитве - памятник до слёз!
Не забудем Юрия Смирнова -
Он распят врагами, как Христос...

145.

Ты скажи, скажи высоким словом,
Как спасали Родину свою,
Как дрались в Побоище Ледовом,
На великом Поле Куликовом,
Под Полтавой в яростном бою.
Видела Москва Наполеона,
Вспыхнула от гнева перед ним.
Выше стали русские знамёна -
Наш народ (Ура!) не победим!
Получили многое от Бога
На виду больших и малых стран.
Наших предков -

Славная дорога:
Вот откуда
Имя
У славян!

146.

Забывать минувшее не надо...
Близок час в родимой стороне:
По аллее сумрачного сада
Он придёт, как зарево, ко мне.
И скажу тогда со всею силой
В тихом - тихом шорохе вершин:
«Господи!
Прости меня, помилуй!
Я - Твой раб,
А Ты - мой Господин.
Вывел Ты на главную дорогу
И меня ценой великих мук.
Счастлив повторять я:
«Слава Богу!» -
Самый дорогой для сердца звук.

2006-2012

РУССКОЕ

ЧУДО

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

РУССКОЕ ЧУДО

Михайло Ломоносов

1.

Стояла осень золотая,
Летели птицы над Окой,
Я в школу шёл,
Стихи читая
В стихах торжественный покой:
«Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сёл, градов ограда
Коль ты полезна и красна!»
Даль восемнадцатого века
Блистая в пламенной строке
Читал и видел человека
В камзоле, в пышном парике.
Поэт Михайло Ломоносов,
Крестьянский сын из Холмогор,
Один из самых мудрых росов
Явился мне,
Как Святогор,
Полями рядом,

Лугом рядом
Он шёл и славил тишину...
Ловил я строки жадным взглядом
И погружался в старину,
Я слышал радостные клики,
Я видел взлёт большой судьбы
В той старине,
Где Пётр Великий
Россию поднял на дыбы.
Великая Елизавета,
Чей «зрак прекраснее рая»,
В шелка одета - разодета,
Катила в южные края.
Была в Орле,
Спешила в Кромы
В душистом облаке волос.
Она слыхала наши громы,
Внимала звону наших кос...
К труду тянулись наши руки,
Нам близок был
Зов мирных лет:
«Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет!»
Узрел поэт однажды ночью
Сиянье Севера вдали,
И огневые узорочья
Ему всю душу обожгли.
Как будто книга золотая,
Как будто новая страна.
Воскликнул он,

Её читая:

«Открылась бездна звёзд волна!»
Величие Божие открылось,
Восторг на сердце сотворя.
Строка играла и светилась:
«С полночных стран встаёт заря».
Для юга,
Запада,
Востока
Тот свет в созвездиях расцвел
И стал провиденьем Пророка;
Что там - Божественный Престол.

2.

Качает волны русский Север -
Шумит, волнуется вода.
По небесам, лучи рассеяв,
Горит Полярная Звезда.
Зимой играющие воды
Обращены в холодный лёд.
Звезда
Царицею природы,
В холодных сумерках цветёт.
Метель гуляет побережьем,
Встают сугробами снега...
Поморы край свой любят нежно,
Хоть ночь полярная долга.
Мерцают звёзды -
Божьи свечи,

Глядят лучисто в каждый дом.
У русской печи льются речи,
Воспоминанья о былом.
Минувших лет встают буруны
О том, как наши корабли
Явились первыми на Грумант,
В Аляску первыми пришли,
За разговором - разговоры,
И в каждом - блеск былых побед.
Петру Великому поморы
Опорой стали с первых лет.
Их не пугал суровый берег
И буйных бурь девятый вал.
Их брал с собою Витус Беринг,
Казак Дежнёв с собою брал,
О русский Север,
Север русский
С волной лазурно-голубой!
Любые снимет перегрузки
Своей былиною любой -
Преданья русские чудесны
Из глубины далёких дней
О высоте - ли поднебесной,
О глубине - ли синь - морей,
Как неразгаданное чудо,
Как русской юности весна,
Гиперборейская отсюда
Берёт начало старина.
Поёт прибой,
И в ровном гуле

Души моей предел желанный

Легенда голос подаёт:
Земля загадочная Туле
В народной памяти живёт.
Твердит сказитель с бодрым видом
На радость взрослых и детей,
Что было время Атлантиды,
Пора летучих кораблей...
Давным - давно мы жили - были,
Сады шумели над водой,
Мы землю Русскую любили
Под самой яркою звездой,
Цвели луга под этим светом
Из года в год,
Из века в век...
Родился там и стал поэтом
Михайло - русский человек.

3.

Отцовский дом из толстых брёвен,
В окне - лиловая слюда,
Для жизни долгой был построен
В те стародавние года.
Надёжно в памяти остался,
Перешагнув за веком век...
Там был рождён,
Там пел, смеялся,
Рыбацким делом занимался
Он - самый русский человек.
Под грозowymi небесами

Года тяжёлые прошли.
Двина, белея парусами,
Послала к морю корабли.
Вздыхали пенные громады.
Простор безбрежен и глубок,
В лугах разгуливало стадо,
И, заливаясь, пел рожок.
Михайло знал поля, овраги,
В озёрах плавал за селом,
Изобразить мог на бумаге,
Спустя года,
Родимый дом.
Михайло в радости и в горе
Служил опорой отцу,
И волны северного моря
Летели встреч к его отцу,
Учил родитель ставить снасти
И править парусом тугим,
Быть верным, сдерживая страсти,
Заветам предков дорогим.
Кружили чайки, громко плача,
Кипели пенные холмы.
Отец: «В морях ищи удачу!
Поморы - мы,
На море мы!»
Треску ловили и тюленя,
Ходили дружно на моржа.
Носились люди там, как тени:
Клыки моржа
Острей ножа.

Отвагу, мужество ковали,
Как на войне, без лишних слов.
И на Шпицберген заплывали,
Дивили шведских моряков...
Зимой дремали на приколе
Рыболовецкие суда.
Зимой учиться надо в школе.
Но где учиться? Вот беда!
Метель кружила у порога.
Мороз трещал со всех сторон...
Сосед Иван учил немного,
Потом учил дьячок Семен.
Учился юноша без лени,
Мог письма вскорости строчить.
Наставник рухнул на колени:
«Всё! Больше нечему учить!»
Пошёл Михайло к Христофору,
Увидел книги,
Целых три...
Не прочь помочь помор помору:
«Читать умеешь?»
«На! Смотри!»
Отец ходил, не зная страха,
На «Чайке» быстрой в Соловки,
Где жили строгие монахи,
Старинной верою крепки.
Шагать к наукам - путь не близкий -
Душа восторгом залита:
Средь книг - Смотрицкий и Магницкий -
В учёность первые врата.

Псалтырь в рассказе стихотворном
Читать во храме не пустяк...
И буквы сыпались, как зёрна,
Из зёрен вышел тучный злак.
И где б теперь Михайло не был:
В полях, в дубравах, на морях,
Он ровно слышал голос Неба -
В нём укрепился Божий Страх.
Мечтал, псалмы читая в храме,
Людские трогая сердца,
Наполнить добрыми делами
Всю жизнь
До смертного конца,
Смотрел он долгими часами,
Как волны двигались везде.
Стоял, любуясь облаками,
Их отражением в воде.
В игру лучей и в блеск лазури
Влюбился страстно, как поэт.
Любил он свист и грохот бури,
Летучих молний резкий свет.
Холмов кипенье белогрудых,
Разлив вселенской красоты...
Всё изначальное оттуда:
Отвага, воля и мечты.

4.

Отец не стар ещё годами,
Без дела дома не сидел.

Души моей предел желанный

На рыбных промыслах с китами
Сраженья шумные имел.
Помор воспитывал помора,
Учил держаться на волне.
В Архангельск - город брал к родне.
Отцовы руки на штурвале,
А чайки с криками вдали...
В большое море заплывали
С Вавчугской верфи корабли.
В той верфи видел наковальню.
От старожила услышал:
«Давно, а кажется, недавно
Тут царь наш
Молотом махал.
Был Государь в немалой силе,
Умел часами бить да бить.
Два судна на воду пустили,
Велел два клёна посадить».
Отец за многими делами
Любил рассказывать, как встарь
В баржу, набитую горшками,
Упал с подмостков государь.
Сумел по- царски расплатиться
Он за побитые горшки.
Умчались годы те, как птицы,
Но как же в памяти близки!
Мать умерла! Рыдал мальчишка.
Зарубки в сердце залегли,
Спасибо книжкам, милым книжкам!
Они тогда его спасли.

Над морем птиц кружила стая.
Темнела неба синева.
Читал псалмы, вздыхал, читая,
Искал целебные слова...
«Москвою душу просветить бы!» -
В мечту большую сердцем врос,
Отец лечил себя женитьбой,
Хозяйку новую привёз.
«Крепись, - твердил, - не будь, как тесто.
Пора дела раздвинуть вширь.
Там приискал тебе невесту,
Готовься к свадьбе, богатырь».
В окне снежинки серебрятся,
В полях - покой и тишина.
Вдохнула мачеха: «Признаться,
И мне помощница нужна».
Стоял у дома как - то рано.
Тоска клещами сжала грудь:
Увидел выезд каравана
В далёкий путь, торговый путь.
Они вернутся, знал, не скоро:
В пути мороз грозней грозы,
В Москву направили поморы
Свои скрипучие возы.
Смотрел Михайло Ломоносов,
Урюмо стоя у крыльца.
Продумал он вопрос вопросов
С того и с этого конца.
Средь ночи вышел и - в дорогу,
С котомкой, с палкою в руке,

На треть сутки - слава богу -
Обоз увидел вдалеке.
Просил с собою взять - не брали:
«Сидел бы дома, егоза!»
Но про ученье услышали,
И стали тёплыми глаза.

5.

В Москве он смело
Путь свой начал:
Не подвела к наукам страсть.
К тому же Дутиков - подъячий
Не дал тогда ему пропасть.
Привёл к ограде монастырской:
«Смотри, какая красота -
Славяно - Греческо - Латинской
Тут Академии врата».
Вошёл Михайло Ломоносов,
Теряя смелость и покой:
Предстали трудные вопросы:
«Откуда родом?
Кто такой?»
Не врал он словом ни единым,
Но тут - особые дела:
Пришлось назваться дворянином,
Ложь во спасение спасла.
Весь задрожал,
Увидев книжки,
Засел учиться в двадцать лет.

Смеялись дружно ребяташки,
Как он обут
И как одет...
Жизнь - улетающая птица.
В ней дорог сердцу каждый звук.
Решил: учиться так учиться,
Старался в каждой из наук.
Властям затрат он малых стоил,
Неутомимый рыцарь книг:
За три копейки в день освоил
Латынь, философов постиг.
Как по ступенькам,
По страницам,
Пошёл к обдуманной мечте,
Над головой парили птицы
И пели гимны красоте.
Он выбрал путь себе не близкий,
На свет пленительных лучей.
Библиотеки монастырской
Неутомимый книгочей.
Душа его была на взлёте,
Во власти чудных перемен...
Платон, Вергилий, Аристотель,
Гомер, Гораций, Демосфен
Плутарх, Дамаскин и Сенека,
И Фукмдид и Ювенал -
Все возвышали человека,
Вели его от века к веку,
И он покоя не знавал,
Стоял с молитвою во храме,

Души моей предел желанный

Была душа озарена
Руси былинными годами
Заворожила старина.
Но как - то раз,
Во дни ученья,
Вдруг книга выпала из рук
Пришли «пресильные стремленья»
И отлучили от наук.
Был молодой,
И были страсти,
А там, где страсти,
Жди беду.
И стал под грузом той напасти
Подобен мухе на меду.
Себя почувствовал ужасно,
В стихах покаялся, как мог.
Прочёл творенье и:
«Прекрасно!» - отметил чуткий педагог.
И вновь Михайло энергично
Трудясь с утра и дотемна.
Учился только на отлично,
Жил, обгоняя времена.
Вложил трёхлетнюю программу
В единый год, горячий год.
Узрел за книжными горами
Всей жизни новый поворот...
Стою, гляжу из - под руки я,
На всё, что он увидеть мог.
Через места мои на Киев
Вела дороженька - дорог.

Михайло был в Орле и Мценске,
На Курск бежал его возок:
Всю ширь просторов деревенских
Нетерпеливо пересёк.
В лугах позванивали косы,
Сверкали росы на заре,
Пил чай Михайло Ломоносов
В избе почтовой на Кнубре.
В Дмитровске парку Кантемира
Отдал положенный поклон.
Дороже всех сокровищ мира
Лежала Русь
Со всех сторон.
Науки для,
Не ради славы,
Мечты во имя дорогой
Приехал в Киев златоглавый,
К истокам древности седой.

6.

Старинный град в красе и силе:
Дворцы высокие, сады,
Соединения с Россией
Ему показывал плоды.
Был град в дыму во дни Батыя,
Поляков вынес, как чуму.
Сияют главы золотые,
Не подчиняясь никому.
Как будто солнце из тумана

(Труба победная, играй!),
Пришло Хмельницкого Богдана
Казачье войско
В древний край.
Что может быть светлее доли,
Чем жить, сойдясь в одну семью?!
Нашёл Михайло на Подоле
Здесь Академию свою.
Давно ль
Горою чёрной пепла
Пугал прохожего пустырь?
Духовность заново окрепла,
И вырос Братский монастырь.
Любил бродить Михайло ночью,
Когда в Днепре играет свет...
Искал причал наукам точным
И вдруг узнал;
А их тут нет.
От вести этой - в горле горечь.
Сперва не понял ничего.
Но Феофан свет Прокопович
Мгновенно вылечил его.
Речь о Петре Великом сразу
Повёл, - и понял наш поэт:
Сюда поездкой не наказан,
А награждён во цвете лет.
Был строг святитель на огрехи,
Но тут глаза его цвели.
Сказал:
«Отменные успехи

Твои до Киева дошли».
Сказал тепло и откровенно,
Приняв, как сына своего:
«Я - твой защитник неизменный,
Живи, не бойся никого.
Звонят пусть в колокол соборный,
Пусть самозванцем назовут.
Знай, что земля твоя просторна,
Везде найдёшь себе уют».
Год на Днепре
Был добрым годом -
Прочёл он книгу не одну:
Под монастырским белым сводом
Открыл родную старину.
Читал Синописис знаменитый,
Где древность руссов,
Даль славян.
В окошке цокали копыта,
А тут - событий океан.
Он обошёл пещеры Лавры,
И там черпал познаний свет:
Гремели трубы и литавры,
Колокола былинных лет.
Не вышел в свет ещё Татищев
И не родился Карамзин.
Михайло Русь свою отыщет
Средь исторических руин...
В Москве
Из северной столицы
Бумагу ректор получил.

Души моей предел желанный

«В Санкт - Петербург пошлём учиться
Достойных самых!» - объявил.
Михайло встал, как бравый воин,
Обжёт кострами жарких глаз:
«Меня пошлите!
Я достоин!
Готов в дорогу хоть сейчас».
Был темен лик отца Стефана:
«Ты - сударь мой -
Из мужиков.
Тебе в столицу ехать рано».
И вдруг, как ангел с облаков,
Сам Феофан к нему неожиданно
Явился выправить судьбу.
Открыл дорогу в мир желанный
Святитель Божьему рабу.
Напомнил киевские встречи,
Напомнил речи о Петре...
И богатырь, расправив плечи,
Уехал в Питер на заре.

7.

И вот он - в северной столице.
Нева напомнила Двину:
Бежит, на солнце серебрится,
Купает в сумерках луну.
Дворцы нарядные, соборы,
Сады и парки,
Острова.

И облака плывут, как горы,
И о Петре гремит молва...
В простор науки и культуры
Дверь распахнулась широка.
Учил Василий Ададулов
Его основам языка.
А Крафт на лекциях, как птица,
Парил, наукой одержим.
Анна Ивановна - царица,
Благоговела перед ним.
Был химик он и математик.
Михайло слушал - ликовал,
Он, как на золоте старатель:
За тайной тайну открывал.
Неутомимый и упрямый,
Ловил он сердцем
Каждый звук.
И вышел в тройку самых - самых
Для продолжения наук.
Ура! Он едет за границу,
Крестьянский сын из Холмогор.
Решил: учиться так учиться,
Во весь размах,
На весь напор.
Готов в стихах воспеть Россию.
В трудах не есть, не спать готов.
От Тредьяковского Василья
Купил трактат
О тайне слов.
Перешагнув угрозы шторма,

Души моей предел желанный

Поплыл в Кронштадт и за Кронштадт...
Встал перед ним вершиной горной
В конце пути германский град.
Стал Марбург городом желанным
В те незабвенные года.
Сияла Вольфа Христиана
Там лучезарная х звезда.
Студенты - шумный и весёлый
Народ, остряк на остряке:
Гуляют в бархатных камзолах,
С косою толстой в парике.
Михайло вскоре стал примерным.
Писал недаром Христиан:
«Любил учение безмерно,
К наукам дар великий дан.
Коль будет впредь с таким раченьем
Шагать упорно на восход,
То заграничное ученье
Большую пользу принесёт».
И впрямь три года не пропали,
А в душу крепко залегли.
В полях - уборка урожая,
А тут - дорога далека...
Сидел фореитор, оглашая
Окрестность звуками рожка.
Конями кучер ловко правил.
А наш герой главой поник.
Он сердце в Марбурге оставил,
Перед глазами - милый лик.
Ученьем душу он возвысил.

Но как же горек был отъезд!
Наобещал ей сотни писем
Из ближних мест
И дальних мест...
Во граде Фрейбурге науки
Иных мастей,
Иных пород.
Тут металлические звуки
Повсюду слушает народ.
Чуть свет шагают рудокопы
В сопровождении детей.
Наверное, по всей Европе
Нет несчастнее людей.
Суровы темные карьеры.
Мальчишки трут во тьме сырой
Руду, насыщенную серой
И ядовитую сурьмой.
Тут каждый кашлем обеспечен
И болью лёгких с юных лет.
«Здоровье тратят, жизнь калечат».-
Писал печально наш поэт.
Толпу большую он увидел,
Наружу вышли стар и мал.
Король катил,
В карете сидя,
Народ же гневом закипал,
Карета далее катила,
Забот не сдвинулась гора...
Старик во след смотрел уныло
И вспоминал царя Петра.

Ста королей
Он в мире стоил,
Дела великие верша:
Он дело горное освоил
И на прощанье пир устроил:
Что значит русская душа!

8.

Суров и горд профессор Генкель,
Глазами холоден, как лёд
Живёт, с наук срывая пенки,
Михайлу хода не даёт.
Как никогда живётся туго.
Санкт - Петербург на деньги скуп.
Нет ни товарища,
Ни друга,
Сходить за гульденом к кому б.
Простой едой не обеспечен.
Терзает голод по ночам.
А как устал от чуждой речи!
Как по Отечеству скучал!
Печаль о Родине, как рана,
И вдруг - победный зов трубы:
Мы взяли крепость на Балканах
Святым велением судьбы.
Узрели турки исполином
Солдата русского в бою...
Земли родной достойным сыном
Михайло был в чужом краю.

Читал из Дрездена газету -
Цвела душа, кипела кровь.
Звала на подвиг новость эта
Крепила к Родине любовь!
Глазами сердца видел Хотин,
Где русский штык врага смирил,
И ода первая в полёте:
«Восторг внезапный ум пленил...
Победа, Русская победа!
Шумит ручьями бор и дол.
Боишься собственного следа
Наш враг, что от меча ушёл».
О, как Россия - мать желанна!
Как весел вид её лугов
Петра и Грозного Ивана
Взирали тени с облаков...
В Санкт - Петербург отправил оду
Михайло с почтой корабля,
Ещё стихов такого рода
Не знала русская земля.
Сам Корф бесценные страницы
Прочёл с восторгом раз и два
И показал императрице,
Сказав: «Какая голова!»
Герои наши взяли Хотин,
Поэт же славу им поёт.
У Кантемира не найдёте
И у других подобных од».
Чутьё - вернейшая цензура

В горячей области стиха.
Признал умнейший Ададуров,
Что ода очень не плоха.
Сказала строгая царица:
«Он Тредиаковского сильнее!»
Придворных пасмурные лица
Мгновенно сделались светлей.
Царица Анна все болела,
Просила часто пить да пить,
Поэта - автора велела
Не потерять,
Не позабыть.
Она ушла в иные дали,
А наши горе - чудаки
Ему ни слова не сказали,
Не написали ни строки...
Жизнь - улетающая птица.
В ней дорог сердцу каждый звук.
Велела молодцу жениться
Любовь - наука из наук.
Обрёл немалое значенье
Град Марбург в жизни молодой,
Венчаньем кончилось ученье
Перед иконою святой
Ковры лугов стелило лето,
Бродили сытые стада.
И стала Цильх Елизавета
Вдруг Ломоносовой тогда..
На девять лет была моложе,

Скромна, улыбчива, нежна,
К себе старалась быть построже,
К нему - примерная жена,
Медовый месяц был недолог:
Звала забота за порог,
Историк, химик и геолог
Дорогу выбрал из дорог.
Пошёл пешком,
Большой и сильный,
На Любек,
Франкфурт,
Амстердам.
Он предпочёл свою Россию
Всем европейским городам.
Порою был бедней бродяги,
Искал приюта и тепла.
В голландском городе Гааге
Просил подмоги у посла.
Не все встречали хлебом - солью,
Нередко следовал отказ,
И вдруг - весёлое застолье:
Пьют, разумеется, не квас,
Зазвали, приняли, как брата,
Уговорили есть и пить.
Назавтра сделали солдатом,
Погнали герцогу служить.
Был, как у зверя в цепких лапах,
И всё ж бежал, сорвав замок.
Прости - прощай, коварный Запад!
Ему дорога - на Восток!

9.

Мечтал он в блеске жизни новой
Явиться к старому отцу.
Судьба дала ответ суровый,
И тень прихлынула к лицу,
Приснился сон,
И болью острой
Пронзило грудь, душа болит.
Во сне увидел море, остров -
Отец на острове лежит.
Домой приехал - разговоры
Повёл, решителен и скор,
Искал на рынке Холмогоры.
Услышал «Я из Холмогор!»
Стал задавать ему вопросы
И в цель печальную попал:
«Крепись, Михайло Ломоносов!
Отец твой без вести пропал.
Уплыл, как только вскрылись воды,
Четыре месяца, как нет.
Видать игрушкой непогоды
Стал твой родитель,
Наш сосед».
Просился сын в родные дали,
Отца несчастного любя,
Но в Академии сказали:
«Сиди! Найдут и без тебя».
Отца чужие хоронили.
Роняли слёзы рыбаки.

А сын, трудясь, как лошадь в мыле,
Сидел, стараясь, в две руки.
Шло время жуткое Бирона.
Подмяли немцы русский двор.
Пошли остзейские бароны
На Петербург во весь опор.
Шуты работали прекрасно.
У них позиция своя.
Царица Анна в кофте красной
Стрелять любила из ружья.
Не стало Анны.
В прежнем страхе
Народ под немцами сидел,
Из канцелярии Шумахер
Всей Академией владел.
Не знал ни горя, ни печали,
Довольный властью и судьбой,
И речи чуждые звучали
С учёной кафедры любой...
Михайло выступил с докладом.
С большим вниманьем слушал зал.
Сказали: «Здорово! Что надо.
Не зря в Европе побывал».
Сносил бы далее нагрузки,
Не прочь ночей не досыпать.
И вдруг сказал:
«Пора по - русски,
По - русски лекции читать!»
«Зачем?!
Науку мы угробим!

Над головою взвился крик. -
Язык России не удобен.
Он слишком беден,
Ваш язык».
Держась спокойней и смелее,
Михайло свет зажёт во - тьме:
«Язык России не беднее,
А всех богаче на земле!»

10.

Всегда о Родине желанной
Кипели думы в голове:
И там, в Германии туманной,
И тут во граде на Неве.
Жил поначалу в одиночку,
От счастья главного вдали.
Всё ждал и ждал жену и дочку.
И вот приехали они.
Навеки Марбургу обязан:
Ученью рад,
Ученым рад.
С его любовью нежно связан
Германский град,
Прекрасный град.
Елизавета свет Христина
Сняла гору большую с плеч.
Свела три сердца воедино
Её пленительная речь
В жене любимой столько света,

Хватило им на все года.
Он звал её Елизаветой,
Христиной реже, иногда.
Снимал парик пышноволосый,
Родным теплом был разогрет.
Была супруга златокосой,
Как утверждал один поэт.
Жила не в клетке золочёной,
В долгах и хлопотах жила.
Как уверял один учёный,
Она великою была.
Теряли дочь,
Теряли сына
И снова дочку обрели.
Плечом к плечу два исполина
Дорогу трудную прошли...
В заботах жили постоянно.
Чуть что встревожена она.
Жаль просыпается он рано
И пропадает дотемна.
Всё ждёт и ждёт,
Как голос гулкий
Вновь у порога загремит...
Однажды шёл по переулку.
Навстречу трое - грозный вид.
Его раздеть решили трое.
Непробиваемых невежд.
Он принял бой.
Бежали двое.
Остался третий без одежд.

Гол, как сокол, не взвидел света...
Поэт с добычею своей
Пришёл, крича:
«Елизавета!
Сюда!
Прими - ка мой трофей!»
Жена довольна: всё в порядке,
С лица мгновенно спал испуг.
А муж: «У нас похлеще схватки». -
«Где?» - «В Академии, мой друг!»

11.

Он дорожил ученым словом,
Будь просто речь, или доклад.
В горячий спор вступал с Тепловым,
Был Крашенинникову рад.
Чистейший Рихман,
Хоть из немцев,
А другом стал своих милей,
Таких побольше иноземцев,
Было б Отечество сильней.
Жаль, грозовым убит разрядом.
Михайло плакал:
«Милый брат!
Мы были рядом
Всюду рядом.
Прости меня, в чём виноват!»
Но эти Бауэр и Миллер
И прочих типов тёмный ряд.

Они на вас глядят умильно,
Но правды всей не говорят.
И эти Тауберт, Шумахер
С лихой компанией своей:
Держать людей умеют в страхе,
Играя роль учителей.
Они в речах велеречивы,
Они достоинства полны,
Жадны их руки до наживы,
До государственной казны.
И тот, и этот - академик,
Спешат выпячивать себя.
Не ради чести,
Ради денег
Сошлись на русские хлеба.
Не спор, а бой с утра до ночи,
Хоть вон иконы выноси...
На двадцать пять веков короче
У них история Руси.
На первом месте - скандинавы,
Германцы,
Греки.
Мы - потом.
У нас ни древности, ни славы,
А дикость полная кругом,
Направо глянь,
Взгляни налево -
Полно нерусских там побед.
А мы сошли, как будто с древа:
Ни городов, ни княжеств нет...

Спешит Михайло на работу,
Большую палку попросил:
Опять прихлынула забота,
Во весь размах душевных сил.
«Бывают жаркие моменты, -
Дал пояснение жене. -
Дубина служит инструментом:
Бью по столу,
Как по спине»...
Блестает время именами,
Как небо заревом - огнём.
Все разговаривают с нами
О нём, решительно о нём,
Он - знамя гордое эпохи.
Таких в бессмертие берут.
Враги его ценили плохо:
Дай слово - грязью обольют.
Смотри, как лезут вон из кожи,
Как жадно ищут дураков:
Твердят о нём одно и то же:
«Из мужиков,
Из мужиков»...

12.

Возликовал народ московский!
В тот день великий
Вместо роз
Елизавете
Разумовский

С поклоном оду преподнёс.
Взяла и сразу же с вопросом:
«Кто автор?» -
«Наш учёный друг.
Зовут Михайло Ломоносов».
Все, словно замерли, вокруг.
«Спасибо автору. Я рада».
Как будто в сад,
Вошла она:
«Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина...!»
«О, Боже! Что это такое?
Чудесный автор!
Как он мил!
Его талантливой рукою
Сам ангел, видимо, водил».
А там....
Какие тут вопросы?
Прочла и раз она, и два.
Сумел Михайло Ломоносов
Найти достойные слова,
Поэт в восторге небывалом:
Его забвение прошло.
Его привёз Иван Шувалов
К царице в Царское село.
Предстала радостной и милой
За малым столиком своим.
Всё говорила, говорила
Как с давним другом дорогим.
Была сплошная лучезарность,

Нежнейшим голосом звеня:
«Примите нашу благодарность,
Хвалить умеете меня».
Её рука - цветок сирени.
И он - профессор в парике,
Упал, ликуя на колени,
Прильнул, как раб, к её руке.
Она: «Прочла я со вниманьем
Стихи, довольная вполне,
Отныне Ваше дарованье
Нашло ценителя во мне.
Творите дальше, честь по чести,
От всей души благодарю.
Тут есть за городом поместье.
Отныне Вам его дарю».
«Отныне, - думал он - отныне
Нужды, как прежде, не видать».
Пришёл домой:
«Она - богиня!!!
Мне больше нечего сказать».
Такого сроду не бывало.
Жена растрогана до слёз.
Назавтра снова был Шувалов,
Бумагу нужную привёз.
Кипенье чувств.
О, праздник света!
Как в летний полдень на реке,
Сияло солнце в небе синем.
Шувалов принял важный вид:
«Писать Историю России

Её Величество велит».
«О, боже! Радость - то какая!
Берусь! Вот Вам моя рука».
Друг друга вежливо толкая
По небу плыли облака.
Ходил в архив,
Сидел в архиве,
Листая множество томов,
И, наконец, сказал, счастливый:
«Теперь к работе я готов!»
Пошли истории страницы
Ложиться в толстую тетрадь....
Вдруг схватка с Миллером приснится,
Возьмёмся нервами играть.
Успокоение - в работе!
Дивит усердием семью.
«Прочтёте, милые, прочтёте!
Поймёте летопись мою!»

13.

Один с ружьём пугает заек,
Другой - охотник до лисиц.
А он картиной из мозаик
Увлёк себя и прочих лиц.
Творит картину про Полтаву
С Петром великим на коне...
И тут о нем худую славу
Пустить решили по стране,
Мол он Историю не пишет,

А Муза явно умерла,
Пустой мазнёй живёт и дышит,
Забросил важные дела.
Творил интриги Сумароков,
Не унимаясь до седин.
Слова подбрасывал жестоко:
«Невежа он, рыбацкий сын».
Такого разного напели
И при дворе в горячий час,
Что встал Шувалов:
«Неужели
Он там обманывает нас?»
«Нет! - рассердился Ломоносов
И за обеденным столом
Ответил прямо на вопросы,
Свои же выставил потом.
«Что говорит? - взмахнул рукою, -
Кого угодно заклюют.
На этом свете нет покоя,
На том покоя не дадут.
Разубеждать не интересно:
Торчат у каждого плетня.
Они и в Царствии Небесном
Найдут с клеветами меня.
А впрочем, будем ближе к делу,
О чём шуметь, где чести нет».
Сказал решительно и смело:
«Нам нужен университет!»
Ещё отметил, как в экстазе:
«Нельзя жить без библиотек!

Никак нельзя и без гимназий!
Растёт же русский человек». Сюрпризов ждал он со дня на день.
Вдруг с удивленьем узнаёт:
Его представили к награде,
Но порешили:
«Подождёт!
«Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина...»
Кому - то надо,
Очень надо,
Чтоб гений выгорел до дна
Он обнимал моря и земли,
И многозвёздный небосклон...
«Священный ужас нас объемлет».
Как много знал и сделал он,
Познаний даль, как мир просторна
Ручьями пот бежал со лба.
Шёл от одной вершины горной
К другой - великая судьба.
Россия - тройка удалая,
Несётся, удалюю звеня.
Он - гений, время обгоняя,
Из сказки взял себе коня.

14.

Пусть жизни срок не будет долог,
Бери всё главное у ней:
Он - металлург

Души моей предел желанный

И он - геолог,
Моряк, строитель кораблей.
Матросу он и капитану,
И адмиралу - верный друг.
Готовит путь по океану
И изучает всё вокруг.
До мелочей,
До сути самой
Доходит в поиске своём,
В незримом атоме упрямо
Для смелых дум
Находит дом.
«Науки юношей питают,
Отраду старцам подают».
Мечты, как ангелы, летают,
Как птицы, в сумерках снуют.
Сомненьем душу не сломал он,
Не сжёг средь пламенных светил.
Во мгле миров,
В большом и малом
Дыханье Божье находил
Как он болел стекольным делом!
Душа поэму родила.
А там такое возгремело,
Что выше всякого стекла,
Его Стекло - герой поэмы,
Писалось с буквы прописной,
Он подошёл к великой теме,
Где в малой капле шар земной.
Стеклу Огонь - всегда родитель,

Вода огню - вернейший враг,
Дрожат невидимые нити,
Как паруса на кораблях,
Стекло сравнимо с чудесами,
В нём сердце радость обрело...
Под голубыми небесами
Играет море,
Как Стекло,
Он уходил умом и взглядом
В простор, не знающий границ,
И находил повсюду рядом
Взаимодействие частиц.
Как звёзды, атомы роятся,
Безмолвны, сказочно просты.
Умрут и снова народятся
По всем законам красоты,
Сам Бог законам тем послушен,
Поскольку сам их создавал.
Он ко всему неравнодушен -
Отца родного идеал.
Не бойся, друг, что даль безбрежна,
Не мучь сомнением себя:
Тогда поймёшь, как любят нежно,
Как нежат ласково тебя.
Да будь светла твоя дорога!
Да будет ясен путь прямой!
Пойми, ты сам - частица Бога,
Дыханье Вечности самой,
Храни младенческого детства
И пылкой юности мечты.

Нам никуда, поверь, не деться
Из мира чудо - красоты.
Всегда нова и неизменна,
Она, как Бог, всегда жива.
Из этой музыки Вселенной
Родятся звуки и слова.
Прекрасен мир добра и веры,
Побед в решительной борьбе.
Бери высокие примеры
Для подражания себе!

15.

Писал он прозой и стихами,
Святым Заветом дорожил.
Недаром дедушка во храме
Со всем усердием служил.
Любил не зря язык церковный,
Славянской юности язык...
Всё в нас от предков безусловно:
К чему привык,
К тому привык.
Он доходил до сути самой
Жидких тел
И твёрдых тел,
Между наукою и храмом
Противоречий не имел.
Он на Венере атмосферу
Открыл, Коперника хвалил.
От православной Русской веры

Нигде на шаг не отступил.
Андрей Апостол был иль не был?
«Вопросов нет у нас!» - рубил.
Ему была дороже хлеба
Святая истина,
Что был.
Он был не горд,
Но мог гордиться
Числом своих прекрасных дел
И, как серебряная птица,
Над целым миром пролетел.
Нева вздыхала к непогоде,
А он, упрямый человек,
Всё чаще думал о народе
На всём пути
Из века в век.
Родной народ не знал он диким,
Во все года считать привык,
Что самый древний и великий
Наш удивительный язык,
Он был до Рима и до греков,
Веленьем свыше сотворён.
В нём честь и совесть человека
И справедливости закон.
Да будет русский люд умножен,
Всемирной славою повит!
Но отчего он так встревожен,
С каких причин печальный вид?
Был спор, как бой,
Но где победы?

Забыв земли родной восход.
Мы растеряли наши Веды
В пучине мелочных забот.
Столетий целые пространства
Легко оставили врагам.
А были славою славянства...
Надеждой века
Тут и там.
Давным - давно, где жили россы,
Стояли густо города...
За правду дрался Ломоносов,
Не отступая никогда.
Путь выбрал он себе не близкий,
Когда над темой нависал:
«Блуждаю в древностях российских»,
С восторгом Эйлеру писал.
Блуждал в легендах осторожно,
Во все заглядывал углы:
«Да, вероятно!
Да, возможно!
Но доказательства малы».
По десять книг читал в неделю.
Конспекты выросли горой.
С ним спорить многие не смели,
Всегда готов был принять бой.
Трудясь во имя русской славы,
Он верил, ждал:
Придёт пора!
Среди правителей державы
Искал наследников Петра.

16.

«Во след Вергилию, Гомеру», -
Однажды начал в ноябре.
В своей излюбленной манере
Большое слово о Петре.
Писал о том, что знал от дедов,
О том, что слышал от отца,
О первых северных победах,
О славе русского бойца.
Хвалу, как ратною трубою,
Вознёс царю, что спас Азов
И смерть державною рукою
Отвёл от русских берегов.
«О, море! О, земля!» - гремело,
Брало в столетия разбег.
В лучах победы молодец он,
Освобождённый русский брег.
Он пел Российского героя,
Что вёл священную войну,
Большие грады,
Флоты строя,
Крепя любимую страну,
Его премудрость бесконечна,
Жива в преданиях вокруг.
Любя Отечество сердечно,
Поднять умел он русский дух.
Достиг в трудах высот прекрасных,
Во льдах бывал он и в огне.
Хоть были бедствия ужасны,

Свою дорогу видел ясной
На корабле и на коне.
Гуляет ветер по равнине,
Качает ниву на заре.
Собрал все мысли воедино
Поэт в поэму о Петре,
Полки российские во славе
Вполне заслуженно воспел,
На сто столетий бой кровавый
В дыму Полтавы возгремел.
Давно ли «бомб и ядер кучи»
Царь видел там перед собой?
Россия сделалась могучей
С большой и чудною судьбой.
Где лёд был «грозен и ужасен»,
Плывут, «презрев угрюмый рок»,
Колумбы русские
Прекрасен
Их путь на Запад и Восток.
«Он Бог, он Бог твой был, Россия», -
Так о Петре поэт писал.
И вот опять он в полной силе
Царя рисует идеал.
Писал поэт - душа живая,
Как будто памятник гранил.
«Других таких не обретаю», -
С невольной грустью обронил
Пётр Первый - новая Россия,
Работа сердцу и уму.
Что сделал он,

То не под силу
На белом свете никому,
«Он был работником на троне»,
Как жемчуг, падали слова.
Всех лучше Пушкина он понял:
В нём та же истина жива:
«То академик, то герой,
То мореплаватель,
То плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник»...
Поэт учил быть в каждом деле
Петру Великому сродни,
Боясь, чтоб мы не проглядели
Сей опыт в суетные дни.
«Делами дивными он славен,
Наш Государь», - твердил поэт.
Потом о том писал Державин,
И Пушкин шёл ему во след.
Давали классики советы
Любому - каждому из нас.
Мы забывали их за это
Судьба наказывала нас.
Встают вопросы, как торосы,
На всём пути у корабля,
Ответы знает Ломоносов,
Не спи, родимая земля!
Он был поэтом и пророком
И счастлив был мечту иметь:
Взойти на верх звезды высокой

И в полной славе умереть.
Поэт был зарево и пламя,
Старался правду возвышать:
«Доколе, счастье, ты венцами
Злодеев будешь украшать!»
Стихи обдумывал ночами,
Священным гневом накалён:
«Доколе лонными лучами
Наш разум будет ослеплён?»
Как много знал он, наш учитель?
И вывод был его таков!
Писал: «Язык наш - повелитель
Всех на планете языков!»
Стоял горой за мир и братство,
Звал, как бесценный дар, беречь
Своё великое богатство -
Родной язык,
Родную речь.

17.

Имел с Шуваловым свободу
Друг другу тайны открывать...
О сбережении народа,
Об умножении наград
Решил Записку написать.
Писал понятно и душевно
О том, что близко искони,
О том, что было злободневно,
Не устарело в наши дни.

Писал, охватывал пространства
До самых северных морей,
Где, как чума, гуляло пьянство,
Топило в пропасти людей.
Где были редкими больницы,
Бродили толпы знахарей,
Детей измученные лица
Терзали души матерей.
Одним, как рай, такое царство,
Растёт доход из года в год.
Другим нет денег на лекарство
И нет на правильный уход.
Век станет веком Пугачева
В крови, в отчаянной борьбе...
Одно записывал он слово
Держал другое при себе.
Писал об исправлении нравов,
О просвещении писал.
Наследников петровской славы
Дружить с наукой призывал.
Потом о главном,
Самом главном,
О чём не знать - великий грех:
О Русской церкви православной,
Её влиянии на всех,
Да будет пастырь для народа
Хранитель мудрой старины,
Защитник подлинной свободы
От зла,
От козней сатаны!

Души моей предел желанный

Да будет грамотен, как надо,
Строг поведением везде
Любой из нас,
Найди усладу
Но не в разгуле,
А в труде.
Приложим дружные усилия
Ко всем хозяйственным делам,
Продуктов будет изобилье
И голод путь забудет к нам.
Пусть наши бары не лютуют,
Не обижают мужиков,
Купцы же
Правильно торгуют
Вдали от русских берегов...
Стрелять умеют наши пушки,
Но и без боя в плен берут.
Торговый плен - не безделушки,
Держите ушки на макушке,
Коль иноземцы
Тут, как тут.
В его наказах лжи не грамма:
«На радость ближнему живи!»
Царице - целая программа
Во имя света и любви:
«Храните праведны заслуги
И милуйте сирот и вдов.
Сердцам нелживым будьте други
И бедным полный будь покров».

18.

Он славил русские победы,
Геройство русское хвалил.
Отменно прадеды и деды
Явили ярость наших сил.
Спешил сказать
Петровой дочери:
Всего важней конец войне,
Пора закрыть «военны двери»,
Вернуться к мирной тишине.
Мы строим фабрики, заводы,
Выводим трубы в небеса.
Но что мы сделали с природой?
Как бережём свои леса?
У нас растут заботы густо.
Но в годы мирной тишины
Крепить военное искусство
Мы обязательно должны,
Труба походная играет
Не ради штурма крепостей.
Военный люд не загорает
Среди играющих детей.
Тут вам, друзья мои, не Сочи.
А потому герой - солдат
Ружьё почистил,
Саблю точит,
Спортивным играм тоже рад...
Народ России множит браки,
Как и любой другой народ.

Бывают браки
Хуже драки
У мужиков и у господ.
Живите правильно и дружно,
В большом согласии, в любви.
Во браке ссориться не нужно:
Семью не строят на крови,
Не надо ссор, измены, пьянства,
Невоздержанья за столом.
Через семейное пространство
Мы к высшей радости идём.
Растите бережно младенцев,
Читать учите с малых лет.
Хороший опыт есть у немцев,
А у французов разве нет?
Есть добрый опыт у китайцев,
Созрел в надёжных головах,
И у японцев, у малайцев,
У австралийцев, африканцев,
На самых дальних островах.
Полны всемирного значенья
О детях хлопоты кругом...
А мы ученье,
Как лечение,
Порой неправильно ведём.
Позор! Под русским небом синим
Нередко лечат наугад.
А сколько знахарей в России?
Какие ужасы творят!
Себя Христом объявит некто,

Наживы ради и забав,
И вот наверх всплывает секта
И душит души, как удав.
О, эта псевдомедицина,
Шептанья хитрых ворожей.
От их лечения скотина
Копыта выбросит скорей.
На Божьих заповедях с детства
Старайся вырасти, любой...
Хватает нам стихийных бедствий,
Так нет же -
Есть ещё разбой...
Читаю далее, читаю.
Советы добрые нужны.
Была бы книга золотая
Из нашей умной старины.
Послал пророческие строки
Поэт движением руки.
О, Боже! Как они далёки!
О, Боже! Как они близки!

19.

Во сне такое не приснится:
К нему на Мойку
Прямо в дом
Явилась вдруг императрица,
Сказала: «Ваша ученица»
И села рядом за столом.

Великая Екатерина,
Как другу, руку подала.
С Елизаветою - Христиной
Речь по - немецки повела.
Со всеми с ласкою во взоре
Была пленительно проста,
Чья власть от моря и до моря,
До каждой тропки и куста.
От счастья встал он на колени,
В стихах приезд её воспел.
Забыть великих тех мгновений
До самой смерти не посмел.
Сказав похвал ему немало,
Ушла в мир царственных забот...
Новейшей одой пожелала
Украсить свой грядущий год.
Он сочинил такую оду.
Дивилась быстрому уму.
Дала, пометив тем же годом,
Чин стат - советника ему...
Придворный мир.
Сияют лица.
Княгиня Дашкова плывёт.
Статс - дамою императрицы
Перед поэтом предстаёт.
Заговорила, как запела.
С чем голос ласковый сравнить:
«Мне государыня велела
За оду Вас благодарить».

Встречает весело, как брата.
Глаза играют и цветут...
Державин, Новиков, Щербатов
И Фёдор Эмин тоже тут.
А это кто такой суровый
И молодой ещё на вид?
В карман не лезет он за словом,
Того и этого бранив?
Надменный вроде полководца,
Такой не станет в общий ряд...
«Историк новый Август Шлецер, -
О нём с почтеньем говорят.-
Её Величеством замечен,
Уже на раут приглашён.
Берёт Историю за плечи,
Читает летописи он.
Наделал выписок немало,
Немало лишнего нашёл».
Душа поэта бушевала:
«Ну, это - чистый произвол.
Такой оставит наших с носом,
Пойдём, как нищие с сумой», -
Вздыхнул Михайло Ломоносов
И молча двинулся домой.
Река Нева спокойно льётся.
Ласкают волны берега.
А перед ним всё тот же Шлецер,
Вредней не выдумать врага.
Самолюбивый и бесстрашный,
Себя умеет показать.

Побыл учителем домашним,
И взялся «Нестора» писать.
С ним трудно в споре состязаться:
Начитан, смел, весьма толков,
Поэт наш выучил двенадцать,
А он пятнадцать языков.
Горяч и молод Август Шлецер,
Был Михаэлисом взращён.
Не дрогнет он, не покачнётся,
В науках крепко закалён.
Трудясь над книгою упорно,
Он темой русской овладел
Создал «Грамматику» проворно.
Прочёл поэт
И обомлел.
«Да, пишет лихо. Ловкий парень!
Явился к нам, как ураган.
Выводит звание «боярин»
От слова грубого «баран».
Выводит «деву» он от «вора»,
От «суки»...
Господь, прости!»
Пылала ярость у помора:
И этот хам у нас в чести!!!
Пустите к древностям нахала -
Святое дело пропадёт.
Гнуснейших мерзостей немало
Сия скотина разведёт».

20.

Чем жил последние он годы?
Морскими промыслами жил.
В дни пробуждения природы
Над картой Севера кружил.
Мерцали в небе метеоры.
А тут - нашествие гостей:
Четыре важные помора
Явили ворох новостей.
Держались смело и свободно,
Весенним воздухом дыша.
Он их расспрашивал подробно,
Восторгом наполнилась душа.
Вставал - скрипели половицы,
Обнять был каждого готов.
Смотрел в обветренные лица
Неутомимых земляков.
Листок пометами усеян,
Учёный в планах - сам не свой,
Ему на карте путь на Север,
Как возвращение домой.
Душа покоя не знавала,
В больших делах летели дни.
Адмиралтейство заседало
Его мечтаниям сродни.
Родного ветра дуновенье
Принёс на Мойку океан,
За Прибавленьем Прибавленьем
Спешит вписать учёный в план.

И сердце вновь, как молодое,
Горит, зовёт на край земли:
За Алеутскою грядою
Два новых острова нашли.
Над новой картой Ломоносов
Сидел, забыв передохнуть:
Вычерчивал для храбрых россов,
Для Чичагова
Дальний путь.
Да будет он, как смелый Беринг,
Как славный Чириков в волнах,
Чтоб на открытый нами берег
Был водружён российский флаг!
Два корабля перед глазами
Вздымали мачты в высоту,
Под голубыми небесами
Несли вперёд его мечту.
Узрят отважные Шпицберген,
Старинный Грумант, чтобы там
Начать свой подвиг беспримерный
По бурным северным волнам.
Взойдут ли смело и сурово
На гребень славы наших лет?
У адмирала Чичагова -
Нераспечатанный пакет.
В пакете том императрицы
Сокрыт Указ, минуты ждёт.
Прочтут - и хлынет свет на лица,
И тайна крылья распахнёт,
Умом и сердцем был он связан

С великой целью русских сил.
И над загадочным Указом
Бессонной думою парил...
В бумагах сына Чичагова
Найдут к открытиям исток:
Прочтут загадочное слово
«Гиперборея»
Между строк.
Учёный множил наши знания,
Волнуясь, радуясь, творя,
Познав Полярное сиянье,
Дознав природу янтаря.
Когда бродил казённым садом,
Стоял в тени его ветвей,
И в космос проникая взглядом,
Был он Пророк и Прометей.
Остался яростным и юным,
Как в те года,
Когда в Мезень
На беломорской плавал шхуне
Вдали от сёл и деревень,
Был Ломоносов полон силы,
Учил, работая, дерзать,
Писал: «Могущество России
Сибирью будет прирастать.
И Ледовитым океаном,
А в нём путями кораблей».
Был убеждён, что россиянам
И «климат тамошний сносней».
Писал и верил неуклонно

Даст много пользы океан,
Что «Хинды, Инды и Японы»
Увидят скоро россиян.
В пути своём они, как в сказке,
Придут, как старые друзья.
К открытой дедами Аляске,
В золотоносные края...
Михайло вдруг темнее ночи
Пришёл.
Волнуется жена.
Он ей рассказывать не хочет.
Но раз жена, то знать должна.
Не надо, Миша!
Будь потише»,
Даёт любимый свой совет.
И вновь растерянная слышит
Его решительное «Нет!»
Умру скорее под забором,
Чем правду выставлю за двор.
Назвал Шумахера я вором.
Но как иначе,
Если вор?!
Присел писать.
Дошла тревога
До наших дней черней чернил:
«Молчал я много,
Вынес много
И слишком много уступил».
Берёт Отечество и славил,
А тут поступок, как мятеж:

Шумахер взял да и отправил
Две наших карты за рубеж.
На них в проекте два похода,
Заплыв на Север и Восток:
Там и погода и природа,
И чётко выверенный срок.
Прильнув к секретнейшим бумагам,
Читали тайны господ,
Следя за каждым русским шагом...
Урок на долгие года!

21.

Он знал, что делать, умирая:
Пришла беда лавиной с гор...
Культуру русскую спасая,
Науку русскую спасая,
Готовил долгий разговор.
Давно успел насторожиться,
Понять, что близится гроза.
Не славословие царице,
А правду
Выложит в глаза.
Нет места, скажет откровенно,
И в Академии ему:
Превращены родные стены
Не в храм науки,
А в тюрьму,
Цветёт Шумахерщина!
Это

Всему Отечеству беда!!!
Коль не пресечь, не взвидим света -
Придут последние года...
Свеча в окне его светилась,
Темнели хмурые дома.
Царица словно обходилась
Без хлопотливого ума.
Ему легко рубили крылья
И утешали: «Не грусти!»
Росло немецкое засилье,
Всё иностранное в чести.
Как подражатели нахальны:
Давно б одуматься пора!
Россия наша уникальна
С времён великого Петра.
Он сам в науках уникален,
Неподражаемо глубок,
Чистейшей совестью хрустален,
В могучих замыслах далёк,
Не зря в трудах бежали годы,
Не зря держал в затворе лень:
Он в осмыслении природы
Взошёл на высшую ступень
О чём он думал, умирая,
Открытый Богу одному,
Когда простор родного края
Вдруг да пожаловал к нему?
Деревья глянули в окошко,
Дома огнями расцвели,
Оттуда клюкву и морошку

Ему недавно привезли.
Племянник Мишенька оттуда
Заботой дядюшки польщён...
«Через ученье счастлив будет» -
Сестре не зря ответил он...
И вот последняя на взлёте
Для Государыни строка:
«Ежели Вы не пресечёте,
То будет буря велика».
Писал, волнуясь, брови хмуря,
В тревожном будучи кольце,
И слово взрывчатое «Буря»
Набатом вырвалось в конце...
Как было сердцу не томиться
В стране, закованной бедой?
На первом месте у царицы
Не он, а Шлецер молодой.
В почёте он и в полной силе
Свою Историю творит.
Раздел «Цветущая Россия»
Екатерине посвятит!
Как он напишет,
Так и будет,
По - иностранному уму.
Читайте, люди!
Верьте, люди
Как императору, ему!
Мол, все вы жили раньше дико,
Послужный список невелик.
Из рук Германии великой

У вас культура и язык.
Свет воссиял вам среди ночи,
Извольте так на мир взглянуть...
На двадцать пять веков короче
Войдёт в Историю
Наш путь...

22.

Труба от ветра завывала,
Шум полых вод в реке возрос.
Иван Иванович Шувалов
Приехал, новости привёз.
Узнал, что Миллер в прежней силе,
А Шлецер весь на высоте.
Стал грустно думать о России,
О золотой своей мечте.
Грачи за окнами шумели.
А боль не шла из головы.
Приехал снова Якоб Штелин:
«Как себя чувствуете Вы?»
Поэт: «Просветы стали редки».
Потом жене - светлей зари:
«Возьми кофейник у соседки,
Да кофе, кофе завари»,
Вдохнул: «Налить не то бы надо,
Но чую, это не по мне».
Жена глядит печальным взглядом,
Вздыхает, стоя в стороне...
В середине марта был простужен

И слѣг в постылую кровать.
Себя он чувствовал всё хуже.
Неуж - то время умирать?
Звенели - падали капли
По всем просторам дорогим...
Сидел и слушал верный Штелин,
Спешил, записывал за ним:
«Смотрю на смерть я равнодушно.
Жаль, дело выпало из рук.
Не всё успел для добрых душ я,
Для приращения наук».
Чем будет век идущий славен,
Как будет словом утверждён:
Идёт по городу Державин,
В большие думы погружён,
Он скоро к струнам прикоснётся,
Прекрасной одой прозвенит.
И речь державная пролётится,
России славу укрепит.
Живёт в неизвестности Радищев,
Народа нашего поэт,
Его полиция разыщет,
Едва лишь книга выйдет в свет...
Звенел апрель.
Гремели тройки.
Сияла неба синева.
Сошлись друзья,
Сошлись на Мойке
Принять последние слова:
«Прощайте, други дорогие!

Души моей предел желанный

Жизнь отшумела, как вода.
Мои намерения благие,
Боюсь, исчезнут навсегда.
Всю жизнь боролся я, как воин,
И вот...»
Закрыв глаза в тоске.
Лежал величествен, спокоен,
Как будто в лодке на реке.
Своих противников простил он,
Уйдя от всех, как в долгий сон...
Царица денег отпустила
Для проведения похорон.
У ней своё разыграло дело
В дворцовой камерной тиши:
Она комедию смотрела
И отдыхала от души...
Кругом природа ликовала.
А тут,
Прости родной порог!
Иван Иванович Шувалов
Семью поддерживал, как мог.
В потоке слёз Елизавета
Была, как смерть, бледным - бледна.
Уехал милый на край света,
Туда, бездна звёзд полна»
Но больше года ей осталось
Жить после горьких похорон.
Сгубила бедную не старость,
А то, что умер.
Умер он.

Стояли в чёрном
Дочь Елена,
Зять Константинов Алексей.
Прощальный траур пал на стены,
На лица добрые друзей.
Рыдал Шувалов, плакал Штелин.
А старый мастер Соколов
Был так убит и так растерян,
Не находил от горя слов.
Нашёл слова он, тёмный с горя,
Вложил в слова всю боль и грусть:
«Такой головушки не скоро
Теперь дождётся наша Русь».
Когда в могилу опускали
Тяжёлый гроб в монастыре,
Все люди в голос зарыдали,
Как в день прощанья
При Петре.
И повторяли с громким плачем,
Платками белыми шурша:
«Он - русский гений, не иначе!
Какая робкая душа!
Забыть такого невозможно
Среди блистательных побед:
Историк, физик и художник,
Геолог, химик и поэт!
Он волей Божьей вышел к людям.
Как лучезарная звезда.
Такого не было, не будет,
Не повторится никогда».

Души моей предел желанный

Он был России верным сыном,
Покинув северный придел:
К родным горам, морям, долинам
Горячим сердцем прикипел.
Жил до последнего дыханья
Святой поэзией добра...
В народе вызрело преданье,
Что Ломоносов - сын Петра.

23.

Дни без хозяина зловещи
Берут за сердце пустотой.
О нём рассказывают вещи
Со всей печальной прямотой.
Вот здесь часами в кабинете
Писал, обдумывал слова.
В окно стучался зимний ветер,
Росли сугробы - острова.
Весною зори с соловьями
Встречал он с радостью в лице.
Там пировать любил с друзьями
На белокаменном крыльце.
За Русский Север поднимали
Бокалы, дружества полны,
Отцов и дедов вспоминали,
Героев русской старины,
Высокой верой озарённый,
Любил он страстно повторять,
Что может собственных Платонов

И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рожать...
Летят на север птичьи стаи
Опять повеяло весной.
Я Ломоносова читаю:
Его история со мной.
Его рассказ - с времён далёких:
Там было всё:
И бой, и плен.
Немало трудных и жестоких
Мы испытали перемен.
Путь утеснений,
Путь кровавый
Прошли в истории своей.
Пришли к могуществу и славе
Всех высочайших степеней.
Извне татары, печенег,
Поляки, шведы, турки шли.
Но их коварные набеги
Сломать Россию не смогли.
Не расточились, не исчезли,
А крепче стали во сто раз.
Враги опять с войною лезли,
Но Божий Промысел за нас.
Сравните наш народ с другими -
Не знала Русь извечной тьмы.
Делами славными своими
Давным - давно известны мы
Верны мы истине высокой,
Даём пример для молодых

В словах о праотцах далёких
И современниках своих.
Летят на север птичьи стаи.
Струится в окна ясный свет.
Я Ломоносова читаю
И тех, кто двинулся вослед.
Спасибо графу Воронцову:
Отличный мрамор отыскал...
А через годы
Пушкин слово
О нём прекрасное сказал.
О нём - Радищев и Погодин,
Аксаков, Лебедев - о нём.
Горит любовь к нему в народе
Незатихающим огнем.
Он прошумел, как сильный ветер,
Был целый мир освоить рад,
Познавший Русь от тёмной клетки
До гордых княжеских палат.
Он каждым словом,
Каждой строчкой
Сработал памятник себе.
Но был нередко одиночкой
В незатихающей борьбе.
Жил, очарован русской далью,
А не исканием красот.
И вдруг: - с глубокою печалью:
«Меня объял чужой народ.
В пучине я погряз глубокой...»
Искал в сиянье высоты

Свой Спас,
Как спутник одинокий,
На крыльях солнечной мечты...
Россия!
Матушка Россия!
Родная доченька Руси!
От иностранного засилья
Себя помилуй и спаси.
Не раз за тягу к иноземцам
Господь Отечество крал.
«Произведите меня в немцы!» -
Ермолов с горечью сказал.
Разговорились по - французски -
И к нам пришёл Наполеон.
Пришлось дубиною по - русски
Его крушить со всех сторон.
А там из дали деревенской
Взошли, как звёзды над водой:
Иван Забелин и Ключевский,
И Афанасьев удалой.
Пошли Киреевский, Якушкин
В народ,
Любя родную речь.
«Там русский дух»-
Недаром Пушкин
Нам дал завет, как добрый меч.
И гнев, и боль держа в запасе,
Не в силах более молчать,
Решил Егор Иваныч Классен
Родную древность раскатать.

Совсем не важно, что из немцев,
Пошёл он, страстный, как поэт,
На норманистов - иноземцев
За Ломоносовым во след.
Нас повело заре навстречу
Туда, где мир и благодать,
В Москве издательское «Вече»
За тайной тайну открывать.
На тайны дружно мы насели,
И всё задвигалось вокруг:
Дорога Дёмину - на Север,
А Петухову - путь на юг.
За книгой книгу выдал Асов
О самой древней старине:
Открыл нам русские запасы
В невероятной глубине.
Под мирным русским небосводом
Вослед за правдою идём.
«Мы были все одним народом!» -
Как откровение берем.
И наша первая весна.
И скифы мы,
И кимерийцы,
Арийцы мы из века в век,
И черноглазые индийцы,
Что жили там, у синих рек.
Душой, не золотом богаты
Пра, пра, пра, прадедов края,
Где нет ни рабства, ни разврата,
И все равны,
Одна семья.

24.

Россия потеряла сына.
Вздохали верные друзья.
Повёз Елену Константинов
В Орловско - Брянские края.
А там у них родится дочка,
В краю полей,
Среди лесов.
Придёт в рассказ поставить точку
Иван Андреевич Крылов.
Придёт, охваченный любовью,
Анюту сватать:
Скажут «Нет!»
И со стены у изголовья
С портрета глянет наш поэт.
Печаль последнего свиданья -
Забота сердцу и уму.
Крылов посмотрит на прощанье -
Дед посочувствует ему.
Потомки - в славе королевской,
Они превыше королей:
Вот генерал идёт Раевский,
Ведёт в атаку сыновей!
А вот Раевская Мария
Волконской помнится она:
Ей Пушкин строки золотые
Дарил в былые времена:
«Я помню море пред грозою.

О, как завидывал волнам,
Бегущим бурной чередою,
С любовью лечь к её ногам!»

25.

Родная Русская равнина.
Год сорок третий, славный год.
Мы были в радости едины:
Едина Русь,
Един народ.
Нас окрыляло в те минуты,
Что Русь Советская жива.
Раскаты первого Салюта,
Орёл и Белгород - слова.
Мы были верою едины,
Сиял надежды горизонт...
Стихи «На взятие Хотина»
Пришли новинкою на фронт.
Читали пламенные строки:
«Восторг внезапный ум пленил.
Ведёт на верх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл.
«Победа, Русская победа!», -
Шумел ручьями бор и дол.
Боится собственного следа
И враг, что от меча ушёл».
Читала Русская равнина:
«От воли русской власти ждут,

И сердце гордого Берлина,
Неистового исполина.
Перуны, близь гремя, трясут».
Вновь Ломоносов перед нами
Взывал превыше всех наук:
«Перед берлинскими вратами
Победы нашей дайте звук».
Война гремела и гремела,
Огнём Европу обдало.
И Ломоносовское дело
Там продолжение нашло.
Совсем близка была победа.
Вот - вот придёт
Желанный мир.
С бойцами вёл политбеседу
Видавший виды командир.
Горело зарево заката.
Чернела трасса на Берлин.
«Здесь жили русские когда - то», -
Сказал доживший до седины.
Он говорил всё интересней,
Знать, вдохновение нашло:
Седым преданием, как песней,
Привел в селение Берло.
Когда посыпались вопросы,
Вздыхнул, кончая разговор:
«Про это ведал Ломоносов,
Жаль, мы не знаем до сих пор.
Прошли мы путь большой, кровавый,
Всё ближе мирные дела.

Идём, друзья, дорогой славы,
Где раньше Славия была».

26.

Германский край стал мирным краем,
Всё меньше помнят о войне...
Олег Михайлович Карнаев
Однажды вдруг поведал мне:
«Отец в войну возил снаряды,
За эшелоном эшелон.
Вдруг понял я,
Увидеть надо
Где путешествовал он.
И вот в Германию поехал -
Миролюбивейший народ...
Нигде не ведали помехи,
Скорей совсем наоборот.
Давно ль земля была пустыней?!
Теперь застроились вполне.
Был праздник в городе Берлине,
Гремели песни в тишине.
Один был родом из Ростова,
Военных лет всё песни пел.
На немцев не глядел сурово
Скорей приветливо смотрел.
Достойный сын своей державы,
Был по веселью впереди.
Имел медали, орден Славы -
И всё сверкало на груди.

Не ветеран был, а картина.
В глазах плясали огоньки.
Всё пел, как едут по Берлину.
Эх, едут наши казаки!
Мы с ним отужинали славно.
Наутро встретили село.
Стояли в храме православном.
Нас пенье за душу взяло.
Забыты вина и закуски,
Берлинский шумный ресторан.
Тут нас приветствовал по - русски
Священник
Батюшка Иван.
А хор всё пел и пел молитвы,
Как будто в городе Орле.
Неужто здесь гремела битва
И дым стелился по земле?
Сказал священник:
«Мы - казаки!
Мы из суворовских полков»
Село старинное однако
Из незапамятных веков.
В краю чужом отрадно было
Стоять смотреть на купола.
Седая Русь заговорила
И крепко за сердце взяла.
Наверно, что - то подсказало
Тут стародавним казакам,
Что Русь не даром тут стояла,
Пахала, сеяла, плясала,

Вот потому и вырос храм».
Германский край
Был русским краем,
Нам не уйти от тех корней!
Чем чаще это вспоминаем,
Тем мы становимся дружней.
Народов двух скрепляя узы,
Любил Оку мою, как Рейн,
Герой Советского Союза,
Орловский немец Роберт Клейн.
Он Днепр форсировал с востока
В те знаменитые года.
Вот почему его глубоко
Мы полюбили навсегда.

27.

В глуши губернии Смоленской,
В краю лесов,
Среди болот
Рос мальчик самый деревенский
В избушке - окна на восход.
Он был двенадцатым ребёнком,
Лучину помнил, знал свечу.
В голодный год не плакал звонко.
Лишь признавался:
«Есть хочу!»
И вот ему сказали в школе,
Что в старину один мужик
Стал по своей и Божьей воле

Разумен, славен и велик.
Как он в Москву пришёл, услышал,
Подумал, радость затая:
«Михайло он,
Я - тоже Миша.
Василич он,
Василич я».
Мы из крестьян, двойные тёзки.
Был совпаденьем разогрет.
Смотрел на клёны и берёзки
И полюбил их, как поэт.
Ходил с косой по травам в росах,
С пером склонялся над столом.
Был всюду рядом Ломоносов
С живым классическим стихом.
Душа к народу прикипела,
Высоких дум и чувств полна.
И Исаковского запела
Россия - славная страна.
И стар, и млад охотно слушал
Мелодий ливень золотой.
Запели люди о Катюше,
Что вышла на берег крутой.
Сердечным словом отозвался
Души нарушенный покой:
«Каким ты был, таким остался,
Но ты мне дорог и такой».
Он пел туманы - растуманы,
Баян в лесу прифронтовом,
И бой, в котором партизаны

Врагу устроили разгром.
Перед утратами солдата
Склонял он голову свою:
«Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью».
В цвету сады, луга, опушки,
А тут простор одним слезам:
«И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам».
Была гармонь за старым садом.
И тут же рядом - старина:
«Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина»...

28.

Что имя? Звук один. И всё же
Эпоха им озарена.
Гор золотых
Они дороже,
Сынов великих имена,
Был Ломоносов верным сыном
Страны, всё благ её искал.
Вот почему его Россия
И подняла на пьедестал.
Руками сильными своими
Обняв,
Вела на гребень лет.
И, как награду, принял имя
Московский университет.

За труд, за подвиг беспримерный
Прошла молва по всей земле.
Мы дали имя
Школе Первой
В старинном городе Орле.
Налюбоваться невозможно
На строгий бюст во цвете лет:
Историк, физик и художник,
Географ, химик и поэт.
О нём стихи читают в школе,
И каждый к ним давно привык,
Как по своей и Божьей воле
Он стал разумен и велик...
Нас до войны,
Как сталь, ковали,
Гранили душу, как алмаз,
Стихи Некрасова читали
О Ломоносове не раз.
Что сделал я родному краю?
Что подарил родной стране?
Стою у школы, вспоминаю
О самой грозной старине.
Год сорок первый, немцы, танки -
Та осень в душу залегла.
Давным - давно ушли в останки
Бойцы, защитники Орла,
Где нынче шум и гам весёлый,
Рвалась на части тишина.
К себе домой из Первой школы
Спешила девушка одна.

Враги катили перед нами
К Москве лавиною стальной...
А дочь Орла
Спасала знамя,
Честь пионерии родной.
Угнали Тоню на чужбину,
В колючий лагерь, в лай собак,
Она несла свою святыню,
Она спасла её, святыню,
Сперва зашив её в полсак.
Она под стражею томилась,
Овчарок слышала во мгле.
Жизнь довоенная всё снилась
В старинном городе Орле:
Костры за Орликом - рекою,
И Лутовиново,
И Льгов,
Дубравы, полные покоя,
Где и в помине нет врагов.
Рекою песня разливалась,
Алело знамя, как заря
Победа наша приближалась,
Надежду узникам даря.
Родной Орёл,
Родную школу
Опять увидела она.
Услышав шум и гам весёлый,
Была до слёз потрясена.
Домой,
Домой вернулось знамя!

Поёт вода в родной Оке...
И Ломоносов перед нами
В комзоле, в пышном парике.
Его престол
Превыше трона,
И правда правд
Гремит опять,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

29.

Царей и царств земных отрада
Сошла на землю тишина.
Встаёт луна над сонным садом,
Сияет главная звезда.
Полярная от слова «поле»
Выводит звёздные полки.
На всем - покой
И Божья воля,
Повсюду след Его руки.
Под той высокою звездою
Лежит, покоем обуяв,
Повитый белой пеленою,
Во льды укрытый океан.
Там имена - золотые слитки
Судьба Отечеству дала.
Средь них и Пахтусов, и Литке,
Русанов - рыцарь из Орла.

Там в именах высоких берет
Неутомимых моряков:
Челюскин, Лаптевы и Беринг,
Седов, Лавров и Ушаков.
Тот славный день не затуманен.
В молве народной не затих,
Когда высаживал Папанин
На лёд папанинцев своих...
Теней великих сон лелея,
В своей немыслимой дали
Живёт страна Гиперборея,
Плывут легенды - корабли.
Во дни тревоги и сомненья
И долговечной темноты
Приводят в бухту Провиденья
Нас лучезарные мечты.

30.

Живут, живут, не умирая
Тех лет могучие леса,
Краса тропического края,
Руси Арктической
Краса.
Где нынче море,
Были рощи,
Плясал и пел счастливый люд.
И огнекрылых молний росчерк
Благославлял упорный труд.
Рожь волновалась золотая,

И радость была через край.
Пришла пора -
И всё пропало.
Куда сокрылось?
Угадай!
Где соловьиные напевы?
Где голос звончатый скворца?
Знать, был Господь
Во власти Гнева,
Ударив холодом в сердца...
Души виденье золотое -
На дне глубоком есть гора
В три километра высоту,
Длиной в две тысячи гора.
Бесценный памятник природы,
Сил неземных упорный труд.
Её ни месяцы,
Ни годы,
Тысячелетья не сотрут.
На воле ветер, завывая,
Гуляет, стужею грозя.
А тут - природы кладовая:
Словами выразить нельзя.
Гора - хребет на радость россам,
Себе на радость
Мы храним.
Родное имя Ломоносов,
Как чайка белая над ним.

**СИЯНИЕ
ВЕЧНОЙ
КРАСОТЫ**

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

СИЯНЬЕ ВЕЧНОЙ КРАСОТЫ

Александр Пушкин

1.

Душою, с детства озаренной,
Рад повторить в краю любом:
«У Лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том...
Там, на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей.
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей.
Там лес и дол видений полны,
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой.
Там тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской:
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом

Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря»...
Читать и дале не устану
Сказ про Людмилу и Руслана,
Про Киев - град
Далеких дней
Во славу Родины моей.
Без этой сказки сердце чахнет,
Как сохнет в изморозь трава
«Там Русский дух,
Там Русью пахнет», -
Какие славные слова!
Наш Пушкин там,
Где Русь - держава
И вечный гул великих лет:
Пирует Пётр,
Гремит Полтава
И льётся в душу вечный свет.
Ах, птица - тройка, -
Слышен Гоголь, -
Куда несёшься, Русь моя?
И крепнет верная дорога
По всем законам бытия.
С восторгом Пушкина читаю
Не слышу песни ветровой
Стихов серебряная стая,
Как стая птиц,
Над головой.
- Я вижу небо,
Вижу море.

На горы гордые гляжу.
И на играющем просторе
Свой белый парус нахожу:
«Прощай, свободная стихия!
Я вижу - вновь передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красою!»
И я там был,
Прощался тоже,
На берегу стоял крутом:
Все было ближе и дороже
В созвучьи
С пушкинским
Стихом.
«Прощай, - гремело, - не забуду
Твоей торжественной красы
И долго – долго слушать буду
Твой гул в вечерние часы.
В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу тобою полн
Твои скалы, твои заливы
И блеск, и тень, и говор волн».
Он сам!
Он сам поэт, как море,
Родник с целебною водой
Средь наших нив и крутогорий
Сердечный,
Вечно молодой!
Его душа - любовь и воля,
Отчизны верность с юных лет

И речь,
Как меч на бранном поле,
Предвестник будущих побед.
Под самым чистым небосводом
Поэт возрос -
Не жил - горел:
Любил народ,
Служил народу,
Заслугам предков славу пел
За гимном гимн - хвала победам,
Где наша удадь широка...
«Ура! Мы помним! Гнутся шведы», -
Какая милая строка!
Отрадно думать, что за нами
Во след стихи его прочтут
И слово Пушкина,
Как знамя
Под русским небом развернут.
Доныне с нами по дорогам
Как мощный ветер,
Полон сил...
«Он для меня был полубогом», -
Не зря Тургенев говорил.
И как же
Люди ликовали
В день лучезарный, золотой,
Когда он встал на пьедестале
Перед любимую Москвой!

2.

Прочь непроверенные толки!
За правдой следует следить:
В Москву прекрасная креолка
Явилась
Пушкина родить.
Да будет в звоне колокольном
Тот день в краю чистейших рек!
Гостей встречайте хлебом - солью
Сегодня, завтра и вовек.
В день торжества под звон бокалов
Нас крепко за душу берет
Потомок храбрых Ганнибалов,
Наследник русских воевод...
Живет предание преданий,
Как в Новый век
Вошла страна.
Малыш, как в роще на поляне,
В качалке рос в объятьях сна.
За звуком звук пошли походом
И разбудили малыша.
Услышав крики: «С Новым годом!»
Вскочил, рубашкою шурша.
Перед идущим Человеком
Все шумно выстроились в ряд,
И закричали: «С Новым веком!»
Был каждый радостью богат.
Всё было просто и непросто -
Сюжет высокий для поэм:

Шёл
Гений
Крохотного роста,
Пока не признанный никем.
На радость людям, птицам, рекам,
Полям и далям голубым
Дверь

Девятнадцатого

века

Открыл он пальчиком своим!...
Он рос, как все другие дети,
Как все мальчишки на Руси:
Мать просыпалась на рассвете:
Молилась: «Господи, спаси!»
За внука бабушка молилась,
Чтоб жизнь удачливой была.
Звезда - лампада золотилась
На белой скатерти стола.
Увидев маму,
Он светился
Увидев няню,
Ликовал.
Как колобок, бежал - катился,
И тут же сказку добывал.
Нырнёт в корзину с рукодельем
И просит бабушку:
«Скорей!»
Вниманья полон и веселья
В родной стране богатырей.
А там к нему явились книжки
Велела каждая:

«Читай!»

Для черноглазого мальчишки
Такое детство -
Сущий рай.

3.

Перо, играя, брал он в руки...
Ещё на свет не родилось:
«Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось?»
И не легли на лист бумажный
О грозном времени слова,
Когда сынов своих отважных
На бой отправила Москва.
Терзала зависть лицеиста
В священный день Бородина.
Ко всем,
Кто дрался в поле чистом
Весь день с рассвета дотемна;
Кто сотворил большое дело,
Подняв до неба
Пушек гром,
Когда Москва костром горела,
Да и каким ещё костром!
«Москва! Как много в этом звуке», -
Ещё не вызрело пока...
За томом том листали руки
О, как прекрасен мир науки!
Как даль познания широка!
Не признавал мышлений узких.

Все шире, шире круг имен
Как русский
Знал язык французский,
Английский выучил потом.
Но всех превыше и милее
Родная речь -
Царица книг.
И благотворный свет Лицея
Где тайну дружества постиг.
К родной истории привязан -
Она в душе его живёт.
Недаром Галичем подсказан
Сюжет в манере русских од.
Сюжет хорош к военной славе.
«Успех, - твердил он - впереди
В Лицей приедет
Сам Державин
Смотри, Сверчок, не подведи».
Поэт
Бояном на кургане.
Друзьям - товарищам предстал.
Когда своих воспоминаний
Победный
Свиток раскатал.
Когда воспел
«Военны споры».
Возвысил славу россиян:
«Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян
Победу смело похищали».
В боях спасая русский кров.

Героям песнь свою бряцали
Державин наш и наш Петров.
«Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы я тратил золотые», -
Читал восторженный поэт.
Он становился громославлен,
В нем воссияла благодать.
И встал ликующий Державин.
Спеша поздравить и обнять.
Бежал Сверчок проворней тени
И шла по городу молва:
«Вот кто Державина заменит!» -
О нем крылатая молва.

4.

Гроза двенадцатого года
Была ему, как гром побед
Вернулись наши из похода
Неся в глазах великий свет.
Он пил из этого колодца,
Быть может, более других.
И у гробницы полководца
Родился вскоре
Новый стих:
«О, старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой...
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой»...
Гроза двенадцатого года

Поэту школою была.
Судьба российского народа
На подвиг новый позвала.
И дум весенняя раздольность,
И чувств горячих красота
Вошли в поэму - оду «Вольность»,
И распахнулась
Высота.
Он - эхо русского народа,
Был, как никто, горяч и смел.
Во след Родищеву свободу
Стихами звонкими воспел.
Душа горела молодая
Не от любовного огня.
Читал посланье Чаадаев,
Как всадник,
Севший на коня:
«Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь, взойдёт она
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!»
Гремел уверенно и гневно
Как гром весенний
С облаков,
Спеша российскую деревню
Спасти от гибельных оков.

Он речь повел о барстве диком,
О рабстве тощем на земле.
Он думал только о великом
И просиял, как свет во мгле.
Парил над Родиной, как сокол,
Пел, как залетный соловей,
«Преданья старины глубокой,
Дела давно минувших дней!
Поэта
Солнечная сила
Пошла по свету без помех.
И вот «Руслана и Людмилы»
К нему пожаловал успех.
Поэма - сказка просто диво.
Её волшебник сотворил!
И перед автором счастливым
Жуковский голову склонил
Признал учитель побеждённый
Его победу
Из побед
И подарил ему с поклоном
С великой надписью портрет.
Лети, известие известий!
Ему чуть больше двадцати,
А он уже
На первом месте:
С огнем такого не найти.
Вот - вот признает за граница,
Чутьем завистливо остра,
Что небо
Скоро озарится

Сияньем русского костра.
Читайте все теперь с поклоном,
Как Русь
Для русских дорога:
«Руслан, для жизни пробуждённый»,
Спасает Киев осаждённый,
Грозой несётся на врага...
Где ни просвищет грозный меч,
Где конь сердитый не промчится,
Везде главы слетают с плеч
И с воплем строй
На строй валится...»
Да знает враг:
Нам страх не ведом:
Большой огонь горит в груди
Воспеты первые победы
Другие будут впереди.
Жил торжеством добра и света,
В трудах горячих
День за днём.
Покоя не было поэту,
И перлы сыпались дождём.
Звал Пушкин
День освобожденья
Крестьян,
Писал:
«Увижу ль я?»
Но это чудное мгновенье
Ушло в безвестные края.
Тот век, признаем откровенно,
Не очень нравами блистал,

И Александр Благословенный
Освободителем не стал.
Царь - государь не смело правил
Нередко брал его испуг.
Поэта взял да и отправил
За вдохновением на юг.

5.

Спасло на юге
Чудо - слово:
Пришёл поэм девятый вал.
Смотрел на крыши Кишинева
И строки новые ковал.
Стоял у моря утром рано,
В волнах спасался от жары.
Восславил вольный мир цыгана,
Увидел шумные шатры.
О, черноокая Земфира!
Тебя он высветил, тебя,
Превыше всех сокровищ мира
Любовь и дружбу возлюбя.
Поэт - наш верный современник,
Гремел недаром
Громче труб.
Не потому ль
«Кавказский пленник»
Доныне людям
Нежно люб?
Он вдалеке от русских долов
Увидел русские войска.

И славным именем «Ермолов»
Была украшена строка...
Творил легко,
Как бы играя,
Войдя в разлив забытых лет.
У белых стен Бахчисарая
Нашёл волнующий сюжет.
Отсюда конница Гирея
Неслась на Русь,
Взвывая пыль.
Узнал,
Волнуясь и шалея,
Марии горестную быль.
Фонтан предстал ему,
Как диво,
Как мир загадочных красот.
Души прекрасные порывы
Цвели под шум
Янтарных вод.
Тот край
Был раем настоящим,
Когда заря цвела в окне.
И только думалось все чаще
Не о войне,
Не о войне...
Недаром строки золотые
Дошли, как музыка до нас:
«Подобно племени Батыя
Изменит праведный Кавказ».
К чему, беснуясь и ликуя,
Купаться в пролитой крови?

Заря восходит, салютуя
Надежде, вере и любви.

6.

Жил в Кишиневе,
Жил в Одессе:
То гул грозы,
То пенье вод...
Нередко видел с интересом,
Как возлюбил его народ.
Из края в край в степном просторе
Открылся путь иной далек...
Ещё вчера шумело море,
Кипело море, с ним играя,
Лечило от сердечных ран.
Прощай, фонтан Бахчисарая
И лики черные цыган.
Прощайте, горы и полянки,
Где он грустил и ликовал,
И говорливая гречанка -
Её же Байрон целовал...
Он столько раз,
На камне сидя,
Все представлял за далью лет:
Над морем странствовал Овидий;
Изгнанник тоже и поэт.
Вот с кем бы всласть наговорится
За южным пенистым вином
Да прочитать: «Сижу в темнице»,

Сравнив отшельника с орлом.
Не стало Пушкину привычкой
Томленья духа в цвете лет
Вот почему стихи о птичке
Вписал он Гнедичу в привет:
«В чужбине свято соблюдаю
Родной обычай старины,
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью
Зачем на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать».
Над головой сходились тучи:
Вот - вот, похоже,
Грянет гром...
Развеселил дорожный случай,
И вновь повеяло теплом.
Палатки вспомнил
На опушке
И офицера юных лет.
«Вы кто такой?, -
Услышал Пушкин.
«Я - Пушкин», -
Вымолвил поэт.
Земля в цветы была одета,
Счастливый прапорщик сиял
«Салют великому поэту!» -
Команду лагерь услышал.
Тот офицер живой и милый
Был ликованием обуян.

Начал с «Руслана и Людмилы»,
Дошел до пламенных «Цыган».
Солдаты пушки заряжали,
Заряды гнали в белый свет...
«Простить несчастного нельзя ли?» -
Спросил полковника поэт.
«Простить?!
В каком, простите смысле?» -
Полковник в ярости дрожал.
«Он все поэмы перечислил,
Покамест пушки заряжал».
«Ну, если так,» -
Совсем не строго
Сказал ермоловский герой.
Поэт вздохнул:
«Ну, слава Богу!» -
И вскоре скрылся за горой.
Заботы новые насели
Темнее неба,
Даль пуста.
Дорога выпала на север,
Как в ссылку,
В отчие места.

7.

Тепло родительского крова -
Его терпению предел.
На сына хмуро и сурово
Отец растерянный глядел.
Пристал с тяжёлым разговором,

Темнеет взор.
Дрожит рука.
Держать он должен под надзором
Неугомонного сынка.
Кричал поэт:
«Что за нелепость?
Да это хуже, чем Сибирь!
По мне, сажайте лучше в крепость,
Иль заточите в монастырь».
Рыдал отец:
«Какое горе?
Как сына с властью примирить?
С ним разговаривало море,
А я не в силах говорить».
Уехал.
Скрылся, как в тумане.
Настало время тишины.
Остался добрый ангел -
Няня,
Хранитель русской старины.
Арина, славная Арина,
Свет Родионовна,
Она
Так берегла его, как сына,
Что одолела времена
До нас и далее готова
Жить - поживать
В графе «Друзья»
«Подруга дней моих суровых
Голубка дряхлая моя».

8.

Весельем время не блистало:
Тонула даль в холодной мгле,
И все ж Михайловское
Стало
Священной точкой на земле
Был занят прозой и стихами.
В Тригорском дружбой окружен
В Святых Горах,
В старинном храме
Услышал гул былых времен.
Жил, как монах трудолюбивый,
Стоял горою за народ.
Друзья давно
Для чести живы,
Их время к подвигу зовет...
В Тригорском - солнечные встречи
И задушевный разговор:
Её глаза,
Улыбки,
Речи
На сердце выткали узор.
Он пишет, полон нетерпенья,
Во власти редкой красоты,
«Я помню чудное мгновенье -
Передо мной явилась ты»
Слова упали на бумагу,
Как с неба ливень золотой.
Теряя волю и отвагу,

Был долго - долго
Сам не свой.
Ему - счастливые мгновенья,
А ей, как праздник дивный дан:
«Истаивала от наслажденья»,
Когда поэт читал «Цыган»...
Случился день, как сад цветущий,
Как с места сдвинулась зима.
Приехал Пущин,
Милый Пущин,
Привез он «Горе от ума».
И полилась рекой беседа.
Поэт читал и все хвалил:
«Ах, Грибоедов!
Грибоедов! Не пьесу -
Чудо сочинил!»

9.

Свеча в окне всю ночь горела.
Кипели думы в голове.
Перо шуршало и скрипело -
В главе о смуте на Москве:
Из края в край
Метались власти:
То бунт в стране,
То недород.
Россию снова ждут напасти.
Пока безмолвствует народ.
Пока свое кричат кукушки

Души моей предел желанный

В густых лесах,
К закату дня,
Пока в Кромах
Гаврила Пушкин
Слезает с верного коня.
Вдали от пасмурных курганов
Сияет свет высоких свеч.
В палатке слушает Басманов
Его раскованную речь.
Гаврила держится свободно.
Он убежденьем горит.
«Сильны мы мнением народным!» -
Святую правду говорит.
Потомок вспомнит это слово
И впишет в книгу на века,
Когда «Бориса Годунова»
Допишет гения рука.
Народ горяч,
Когда в экстазе:
Чуть что - река без берегов.
То он суров, как Стенька Разин,
То он горяч, как Пугачев.
С любым народом шутки плохи,
А с нашим - боже сохрани.
Душа, созвучная эпохе,
Искала правильные дни.
Метель кипела в поле чистом,
Хлестала снегом все больней...
Ещё не вышли декабристы
К Сенатской площади своей.
Поэт не строки - завитушки

Творил.
Он высветил венец.
Прочел и крикнул:
«Ай, да, Пушкин!
Ай, сукин сын!
Вот молодец!»
Был бунт в зародыше подавлен.
Рванула тройка на простор.
Поэт к царю
В Москву доставлен
На откровенный разговор.
Он жил во времени жестоком,
Но честь и совесть уберег,
Не арестантом,
А пророком
Ступил на царственный порог.
Когда везли его из ссылки
Как никогда, был одинок,
Как будто царь характер пылкий
Спешил загнать на новый срок...
Поэт, отважен и неистов,
Смотрел на свечи в хрустале,
И видел
Тени декабристов,
Всех пятерых в тугой петле.
Земным властям не поддавался
И пел свое, как Арион:
К нему лишь ангел прикасался
«Перстами легкими,
Как сон».
Для добрых дел

На волю вышел
В спасенье каждого из нас.
Он глас всевышнего услышал,
Как наставленье и наказ:
«Восстань, пророк, и вождь, и внемли,
Исполнишь волею Моей.,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

10.

На жизнь поэта далее бросим
Наш добрый взгляд
Со всей душой.
Случилась Болдинская осень -
Пора поэзии большой.
Она по всей Руси просторной
Дождем стучала по стеклу.
А он писал,
Творил упорно,
Прильнув к рабочему столу.
Писал и в ночь,
И в час рассвета,
Горя божественным огнем.
Вставали в очередь сюжеты,
Просились дружно на прием.
Резвились рифмы, как мальчишки.
«Мы краше всех!
Бери скорей!»
Ворчала проза:
«Это слишком!»

Смиренно стоя
У дверей.
Ворчали глухо эпиграммы.
«Не те настали времена.
К нам нет внимания ни грамма
Страна без смеха -
Не страна».
Вскричал поэт:
«Имейте совесть!
Две ссылки вынес из-за вас»...
Тут подошла такая повесть,
Что гнев немедленно погас.
О том, как барышня - крестьянка
В одном селении жила.
Проснулась как - то спозаранку
И в лес по ягоды пошла.
Поэт, укладывая в строчки
Сюжет, строчил
И видел там
Красотку Лизу в лапоточках,
Подругу травам и цветам.
Творил поэт тепло и ясноок,
Спешил о главном помянуть,
О том, что в целом
Жизнь прекрасна,
Хотя порой
И труден путь.
Искатель в жизни точных правил,
Не одного предостерег,
Он юность выслушать заставил

И «лучше выдумать не мог».
Однажды книгу взял он в руки
И с той поры, как на коне.
Прошел великие науки, -
Ронять божественные звуки
В родной российской стороне.
Влюбленный в пение народа,
В живую речь,
В задорный смех
Он пел свободу,
Чтил свободу,
А верность правде
Больше всех.
Надежд он высказал довольно
Во власти солнечной мечты,
«Благоговей богомольно
Перед богиней красоты».

11.

Стучало сердце чаще, чаще.
Он был во власти прежних дум.
Как свет зари, в окне горящий,
Звала дорога на Арзрум.
О, славный год!
Начало мая.
Гром соловья, как Благодать.
Ручьи проворные, играя,
Взялись дорогу целовать.
На купола перекрестился
Родной Москвы

И в дальний путь.
Великим именем светился
Ему Орел, волнуя грудь.
Поэт в краю орловских долов
Был солнцем мая разогрет
В Орле встречал его Ермолов
Кумир и гений давних лет.
Порвав оковы царской воли,
Поэт парил в Орле орлом
И восседал, как на престоле
У генерала за столом.
Внизу река играла в пене.
А тут средь сабель и картин
Вели беседу просто гений
И гений северных дружин.
Припоминая дни Кавказа,
Сидел опальный генерал
Родную душу приняв сразу,
Свою поэту открывал.
Он, как Суворов, чтит солдата
И по - суворовски любил.
Он к мужикам в любую хату,
Как друг - товарищ заходил
В Орле на Троицком за это
Цветам покой его беречь.
Как пала на душу поэта
Его язвительная речь!
Царь - государь страною правил,
Отдал мятежников под суд.
А он стихи свои отправил
«Во глубину сибирских руд».

«Храните гордое терпенье» -
Слова гремели, как набат.
Дарили чудные мгновенья
Под звон цепей
И стук лопат.
Во дни тревоги и печали
Стихи ударили, как гром.
И верю я:
В Орле звучали
У генерала за столом.
Цвела за окнами природа,
Пел соловей во - всю.
А тут: «Темницы рухнут и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут».

12.

И снова даль,
И снова думы
Темнее туч над морем нив.
Катил до самого Арзрума
То говорлив,
То молчалив.
От синих рек, степных раздолий,
От гор в сиреневом дыму
Покою веяло и волей...
Покоя не было ему.
Лишь раз похвальною привычкой
Готов был душу раскрывать,

Когда любезную калмычку
Пытался дружески обнять.
Арба и гроб в горах, как беды,
Персидской свары тяжкий след.
«Кого везёте?» -
«Грибоеда», -
Услышал горестный ответ.
В горах он встретился с войною.
Пронесся с пикой на коне.
«Кавказ», - воскликнул, - подо мною».
«Один, - добавил, - в вышине».
Стояли горы - исполины.
Тень проплывала по земле.
Орел парил, взлетев с вершины,
Напоминая об Орле.
Вдали чернели скалы голы.
Стелились травные шелка.
«Смирись, Кавказ!
Идёт Ермолов», -
Невольно вспомнилась строка.
Над горной травною постелью
Явилось вдруг
Как свет в окне
«Туда в заоблачную келью,
В соседство к Богу надо мне»...
Была заботами богата
Поэта жизнь,
Но он не раз
Все помнил год двадцать девятый,
Свою дорогу на Кавказ.

Души моей предел желанный

Глазам предстали грады, села.
Перо плясало на столе
На первом месте был Ермолов,
Недаром встреченный в Орле.
Писал веселый и счастливый
И вдруг вздохнул:
«Не подойдет!»
Оставил строки для архива,
Не для хождения в народ.
Ермолов - взрывчатое имя.
О нем нельзя.
Никак нельзя!
Над всеми лицами живыми
Сверкают царские глаза.
Его улыбочивость притворна
Что может хуже
Властных уз?
Поэту чин припас придворный:
Изволь нести,
Как тяжкий груз.
Вниманьем высшим обеспечен
Наш уважаемый пиит.
Казалось, крыть бедняге нечем,
Душа тоскует и болит.
Бродил угрюмо по квартире.
Судьба сурова и глуха.
Быть в камер - юнкерском мундире
Ему ль
Фельдмаршалу стиха?

13.

Сидел, выстраивая строчки,
Чтоб знал народ:
Он за народ
И в главах «Капитанской дочки»
Судьба Отечества встает.
Себе писатель знает цену:
Вся повесть - чистый изумруд.
Сто поколений непременно
Сюда уроки брать
Придут.
О чести смолоду -
Да это
Любому - каждому совет.
Гринев Петрушка сел в карету
И покати́л во цвете лет.
Спасибо, выручил бедняга,
К дороге вывел не спеша...
Иной буран
Тяжелым шагом
Пришел,
Урал развороша.
Во всю мужицкую свирепость
Бунт закипел без лишних слов.
В честь Белых гор
Назвали крепость -
Теперь там правит Пугачев.
Бродяга он,

Но дело знает:
Жесток, хоть ноги уноси.
Петра он Третьего играет
В спектаклях страшных на Руси.
Душа для милостей открыта,
Любого в стан к себе берет.
Друзей, похожих на бандитов,
«Мои фельдмаршалы» зовет.
«Он полон гнева и отваги.
Его позиция крута.
Петрушку, верного присяге,
Спасла от смерти доброта.
За то, что был к бродяге ласков,
Спасен
И Маша спасена.
Все получилось, словно в сказке,
В те грозовые времена.
Поэта сказочное слово
Нас убеждает не спеша:
Была душа у Пугачева
И даже чуткая душа.
Мысль благородна и отрадна
О, власть! Беду не прогляди
Народ бунтует беспощадно,
Да так, что Бог не приведи.
Свой шаг обдумывай глубоко,
Не торопись рубить с плеча
Судьба коварна и жестока
Чуть что, получишь Пугача!

14.

Читаю снова я и снова:
Наука - верная сестра.
Поэт - историк Пугачева
И даже Первого Петра.
Что привело
К нему в соседство
Царя и просто казака?
Искать спасение от бедствий
Привыкла умная рука.
Деревню,
Русскую деревню
Все поднимал на высоту.
Писал размахисто и гневно,
Как барство губит красоту.
Помещик с именем Островский
Попал в кошмарную беду.
Вошел он в книгу
Как Дубровский
У всей России на виду.
У всей России?
Нет, планеты,
О справедливости трубя,
Пошла разгуливать по свету
Героя горькая судьба...
Россия - Азия с Европой.
Другой такой на свете нет
Наш трудный путь,
Наш горький опыт -
Разбег к сиянию побед.

К чему?
Зачем ему все это,
Чья власть не знает берегов?
Зачем искать по белу свету
Сюжеты прозы и стихов?
«Русалка», «Моцарт и Сальери»,
Там «Пир»... во всю
Во дни чумы,
Опять мы что-то
Проглядели.
Ленивы
И не любопытны мы.
Как много тайн в потоке писем,
В заметках малых и больших!
Он собирал, играя, бисер
В просторах наших и чужих.
Как птица вещая в полете,
Как солнце,
Миру просиял.
Он жизнь исследовал, как Гете,
За тайной тайну открывал.
Издалека чужое видел,
На радость сердцу и уму.
За пару строк
Про ночь в Мадриде
Поставят памятник ему!
Не страшно в мире иностранном
Найти невиданный сюжет
Душа папессы Иоанны
Его манит,
Как странный свет.

15.

Его стихи - в летящем снеге,
Стихи в цветах лесных полян,
Передо мной
Опять «Онегин»,
Векам дарованный роман.
Читать нисколько не устану,
Вхожу в главу,
Как в некий грот.
Онегин, Ленский и Татьяна -
Какой продуманный народ!
Читаю кстати и некстати,
Под гул машин и шум листвы:
«Онегин - добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы».
Строку светлее не найдете,
Она горит, как серебро.
Недаром сам великий Гете
Ему прислал свое перо.
Сюжет продуман исполинский,
Заветных дум девятый вал.
Недаром пламенный Белинский
Энциклопедией назвал...
Однажды Пушкин был в ударе,
Слетали шутки с языка.
Придумал сказку о гусаре,
Сев на любимого конька.
Мол, пусть для смеха сохранится
Стихов забавный карнавал,

Как наш гусар
Коня скребницей
Очистив, в небе побывал.
Во след за ведьмою серьезно
Парил проворно на метле.
«Эй, сторонись!», -
Кричал он звездам
На чистом русском языке.
Парил, поскольку был в ударе.
Ну, что сказать о молодце?
Отважный парень!
Крепкий парень!
Как раз таким был наш Гагарин
С улыбкой счастья на лице...
Поэт к Отечеству был ласков,
Не уступая никому.
Во след за песнею и сказкой
Спешил к народу своему.

16.

Был Петербург
Столичным градом
И там на Мойке жил поэт.
Стояли книга всюду рядом
На стол лучистый падал свет.
Сидел, склоняясь главой курчавой,
Летящим почерком писал
И сочинял не ради славы,
Не ради дружеских похвал.

К нему с улыбкой приходила
Сама родная Натали.
Она, как солнышко, светила
Ему, сиянием земли.
Читал, как пел, златые строки
Своей волшебнице не раз.
Летели строки в край далекий
И всюду радовали нас.
Пока она главе курчавой
Шептала: «Милый соловей!»
Читали где-то под Полтавой:
«Богат и славен Кочубей».
Высокий лоб она ласкала
Неутомимую рукой.
Волны волну у скал искала,
Невольно став его строкой.
Он помнил берег отдаленный,
Земли полуденной края...
На город каменных балконов
Смотрел,
Тревогу затая.
Не южный видел виноградник,
А город белый
В чутком сне
Стоял на взлете Медный всадник,
Кумир на бронзовом коне.

17.

Повсюду сила молодая
Растет, где русская земля:
«До стен недвижимого Китая
От потрясенного Кремля».
Былые вспомнились победы,
Да, сила русская жива!
Нам рабский дух
Давно не ведом,
Как ядра падали слова.
«Так высылайте к нам витии
Своих озлобленных сынов.
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов».
Необозримые пространства -
Народной жизни океан.
Для утверждения славянства,
Для возвышения славянства
Он пел
Поэзию славян.
И диктовало вдохновенье
Под гром колес и стук копыт.
«Люблю тебя, Петра творенье.
Люблю твой строгий, строгий вид...
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой».
Непобедимую вовеки

Он пел громаду
Из громад...
Стихи
Дошли до Человека
В боях за город Ленинград.
Там, по желанию Чуйкова,
На берегу кровавых вод
Взгремело пушкинское слово,
Как зов:
«За Родину вперед!»
Рванули наши в наступленье,
Где на морозе
Кровь кипит.
Был Пушкин там
Бессмертной тенью:
«Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгий,
Стройный вид!»

18.

Сверял по праведным высотам
Он улетающие дни.
Была упорная работа
Большому подвигу сродни.
Искал правдивейшее слово
В работе с хладного утра,
Когда писал про Пугачева
И про великого Петра.
Полным - полно духовной пищи,

Души моей предел желанный

Куда проник
Поэта взор.
И Ломоносов,
И Радищев
К нему сошли
С высоких гор.
Наставник редкий взрослым, детям,
Как жить, призвание найти,
Владел он тайнами столетий,
Тысячелетий на пути.
Он знал пути к теплу, к народу
Через метельный ураган.
Он честь берег,
Ценил свободу,
Был высшим светом россиян...
Нес миру песенное слово,
И в этот мир
Светлым - светла
Вошла Наташа Гончарова
Царевной - лебедем вошла.
Ему о ней шумела нива,
Дубрава кронами ветвей:
«В ней все гармония,
Все диво,
Все выше мира и страстей!»
Она стихам явила точку
Такую - краше не найти.
Росли два сына и две дочки -
Четыре праздника
В пути.

К царю приближен и унижен.
Ему ли эта суета?
На Русь
Из города Парижа
Явилась смерть к закату дня.
Была в мундире офицера
И молода,
Умела жить.
Учила правильным манерам,
Как лучше головы кружить.
Она вальсировала славно,
Она в мазурках знала толк...
Держись, Наталья Николаевна,
К вам постучался серый волк.
Храни нетронутым сердечко.
Запоры крепкие готовь,
Иль примет снег
У Черной речки
Поэта праведную кровь...
Зима в окне морозом дышит.
Богат души его запас
Смотрите, люди!
Пушкин пишет
Последний день,
Последний час.
Поэт, всем гулам жизни внемля,
Возвысил слово до небес...
И вдруг, как лес,
Упал на землю,
Широкошумный русский лес...
И прогремел у Черной речки

Проклятый выстрел
На века
И догорел поэт,
Как свечка,
Беда, как море, широка.
Вдова в тяжелые подушки
Бросалась русой головой
Кричала: «Пушкин!
Милый Пушкин!!
Ты не умрешь!!!
Ты мой,
Ты мой...»

19.

Во все года
На первом месте
Был голос истины живой:
«Погиб поэт! - невольник чести,
Пал, оклеветанный молвой».
С таким суровым приговором
Явился Лермонтов в народ.
Стихи сияют метеором,
Покамест жив наш русский род.
«Его убийца хладнокровно,-
Гремят слова -
Точнее нет -
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет».
Как были строки эти правы:
«Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы,

Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал...»
«Толпой стоящие у трона»,
И вас он судит
Божий суд.
Вас не украсит сень закона,
Ни ложь,
Ни злато
Не спасут.
Не прибегайте же к злословью:
«Оно вам не поможет вновь.
И вы не смоете
Всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!»
От гневных строк
Дрожали горы.
А там -
Судьбою решено -
Стихами высветил просторы
Поэт цыганский Германо.
Писал, что мстил под Перекопом,
Через Урал
В душе пронес
И с ним «шатался по окопам»,
Измучен голодом и бос.
Ещё не раз
Народ осудит
Врага - убицу вновь и вновь.
Россия сына не забудет

Души моей предел желанный

Вовек, как первую любовь...
Дожив до старости глубокой
В прекрасной Франции своей,
Дантес наказан был жестоко
Несчастной дочерью своей.
В день именин она блистала
И вдруг, как гибельный свинец,
Ей правда страшная предстала,
В кого стрелял её отец,
И недоступная веселью
Отныне раз и навсегда,
Закрылась в комнату,
Как келью
Во имя скорбного труда.
Смотрела в угол,
Где иконы.
Из сердца вырывался крик.
И видела
Не лик Мадонны,
А Пушкина ярчайший лик.
Она молилась до рассвета
И видела одно
Всю ночь:
Убийца целился в поэта,
А попадал в родную дочь.

20.

Всему прекрасному основа -
Родимый край,

Народ родной.
Бесценно пушкинское слово,
Где Сороть светится волной.
Стою у пушкинской могилы -
Священной веет тишиной...
Григорий Пушкин -
Правнук милый
Весь день беседует со мной.
Стоим у сада - полисада
И в доме том,
Где жил поэт
Нам от реки плывет прохлада,
Но никакого хлада нет.
Тут весь народ пришел
В движенье,
И веет дружеским теплом,
Тут в память Чудного мгновенья
Стоит скамейка под стеклом.
Ах, задержитесь на немножко!
Восторг прихлынувший безмерн:
На ней,
На ней стояли ножки
Землячки нашей Анны Керн.
Она спешит летучей тенью,
И веет, веет с высоты.
«Я помню
Чудное мгновенье
Передо мной явилась ты».
Порекрасны добрые порывы -
Их надо холить и беречь...

Выходит
Гейченко счастливый
И держит огненную речь:
«Наш Пушкин - чудо,
Совершенство!
Он - солнце!
Гений языка!
Оставил заповедь блаженства
В странице каждой на века!»
Хвала поэту пел Козловский,
А внучка «Паямтник» прочла...
Поэта правнук
В край Орловский
Поехал -
Даль светлым - светла.
Жил в стороне моей с неделю
Бесценный гость-
Забыть нельзя.
Все дни в глаза мои глядели
Живого Пушкина
Глаза!
Его в Орле
Встречали славно:
Он души к солнцу поднимал,
Когда Наталью Николавну
Своей прабабушкой назвал.
Привел Отечеству в угоду,
Чем суть семейная жива.
Что имя Пушкина народу
Принадлежит,
Её слова.

21.

Я снова Пушкина читаю.
Я род старинный раскачал.
Веленьем сердца улетаю
К его началу всех начал.
У нас открытия не редки.
Поют, как прежде, соловьи,
Где жили пушкинские предки
И прапра - прадеды мои.
Мои пахали и косили,
Скотиной полнили дворы.
Его - служили по России
С великокняжеской поры.
У моря где-то жили прусы -
Там тайна рода залегла:
Жил воин Пушка,
Жили русы
И даже Славия была...
Князь Александр в свою дружину
Не зря Алексина похвал
Поэта предок исполином
За Землю Русскую вставал.
Венчал хвалой героя Невский,
Был даже близок, как родня...
У нас Иван Иванович Ржевский
Жил, ратной славою звеня.
Погиб, спасая град Чигирин,
В наш древний Болхов привезен.
В соборе старом, в горном мире

И сам, и сын
Вкушают сон.
Где Тагино
Кричат кукушки,
Качает ветер провода.
Там храбрый Петр Михалыч Пушкин
Жил в стародавние года.
В карету сядет - и в дорогу,
Во Мценск, ко множеству забот.
В степную даль смотрели строго
Две пушки, стоя у ворот.
Уймись, разбойная стихия!
В Москву дорогу больше нет!
Растет и крепнет мать Россия
В сиянье славы и побед.
Наш путь - Иваны да Иваны.
Погода с огненным дождем.
До трех великих океанов
Дойдем, до Полюса дойдем
О, Тагино!
Ты - свет лучистый,
И Муравьева тут как тут.
Она доставит декабристам
«Во глубине сибирских руд».
Доставит брату Чернышову
И брату милому привет,
Живое пушкинское слово
И дружбы свет,
Великий свет.

Высоких чувств священный трепет,
Любовь и мужество пою:
Она его целует цепи
В суровом каторжном краю.

22.

Под монастырскою стеною
Он крепко спит,
Но он не там.
Он и с тобою, и со мною
В пути по пушкинским местам.
Глядит проворный, как мальчишка,
На золотые купола,
Как будто выбежал из книжки,
Из той, что каждому мила.
Ни на минуту не присядет.
Летит, как ветер на земле...
Катанов Клим,
Мой прапрадед,
Его увидеть мог в Орле.
Поэт курчав и темен ликом
Казалось, что ему мужик?
Но Пушкин был
Во всем великим,
И в малом тоже был велик.
Поклоном на поклон ответил,
Улыбку весело даря.
И тут прапрадед мой заметил:
Лицом он светел,

Души моей предел желанный

Как заря...
Дарует Бог
Большие силы.
Растут надежды и мечты.
Где Пушкин жив,
Жива Россия -
Сиянье вечной красоты.
Ничто лукавство Черномора!
Ничто дорожная тоска!
Страна от моря и до моря
Непобедимостью крепка
Картина в памяти хранится
Из книги -
Пушкин на коне.
Над бездной вод летают птицы,
Играет солнце в вышине.
Поэт доньне лугом росным
Идет на пруд,
Заходит в сад.
О нем михайловские сосны
И воды Сороти шумят.
В Орле доньне в разговорах
Живет легенда старых лет,
Как принят был за ревизора
В Малоархангельске поэт.
Когда Лукьянчиково вижу
На речке Оптухе
И тут -
Поэт понятнее и ближе:
Пригорки память берегут.

Какие солнечные виды
Нам снова май нарисовал,
Где жил Ермолов,
Был Давыдов,
И Пушкин, верю, побывал.
Альшанской церкви вид усталый,
Графиня Бобринская там
Страницы памяти листала
И льнула к пушкинским годам.
Была той памятью согрета,
Печально думала о нем...
Она молилась за поэта
Вот в этом храме дорогом!
Видений множество в запасе,
И это мне
Дарует свет.
В Альшанской школе,
В первом классе
Явился в жизнь мою
Поэт.
Весна звенела, лед ломая,
Ручьи играли под горой.
Ура!
На праздник
Первомая
Мы шумной двинулись толпой
Как день хорош!
Как мир прекрасен!
Ока сверкает в серебре.
В Альшанской школе

В первом классе
Я встретил строки в букваре.
«Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет,
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах».
Кораблик сказочный на праздник
Привез под шум пернатых стай.
Кричал какой - то старшеклассник:
«Что стал? Читай! Ещё читай!!!»
Но дальше не было ни строчки.
И я, как в сказочном колце:
Дорогу мне закрыла точка
Со словом «Пушкин» на конце...
В саду отца потом тенистом
Сидел я с книгой золотой:
Увидел в сказке многолистой
Мир, наделенный красотой.
Поплыл по морю - океану
На том же скором корабле -
Я в царство славного Салтана,
К иной не знаемой земле.
Спешил, ни капли не помешкав,
Не зря стремительно вперед.
Где белка щелкает орешки
И даже песенки поет.
С восторгом, помнится, читаю
В саду, в развесистой тени
И я доньше
Вспоминаю

Те удивительные дни.
Гвидона остров из тумана
Встает все краше
Все видней.
К нему по морю - океану
Плывут ватаги кораблей
Народ не в избах
А в палатах
Там ловит шум морской волны
Там бедных нет!
Там все богаты!!!
Законам равенства верны!!!
Не будь ленив,
Ни зол,
Ни жаден,
Спеши добром украсить век
Совет поэта так отраден:
Читая, счастлив человек,
Страниц пленительная стая
Манит на запад и восток.
Живу я, Пушкина читая,
Иду с урока на урок.

24.

Он жив!
Над ним не властны годы.
Звездой горит в полночной мгле.
Стихами Пушкина природа
Красна,

Как роза в хрустале.
Лишь лета, помнится, не стало,
И строки к сердцу,
Как сирень:
«Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман.
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу; приближалась
Довольно скучная пора...»
А там -
И осень со двора.
«Зима!.. Крестьянин торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью, как нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж отморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно.»
И вновь весна

Во всю лучами
Пошла играть - и с гор снега
Сбежали мутными ручьями
«На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей».
А там опять приходит лето
С большим букетом
На порог...
Какого,
Господи, Поэта
Царь - государь не уберег!
В цветах овраги и опушки,
И в небе пляшет первый гром.
И снова с нами,
С нами Пушкин
С его классическим стихом.
Земля прекрасна и просторна,
В любую пору хороша,
Гул вырос от вершины горной -
О, чудо - русская душа!
Поэта песенная сила

Всех поднимала на крыло,
Когда клеветников России
Громил он яростно и зло.
О, как молва его крылата!
Как дорога во все года.
Россия

Пушкиным богата,
Сильна и вечно молода!
Из старины, как из тумана
Ему сиял Руси восход.
Он слушал в поле
Песнь Бояна
И песнь про Игорев поход.
У речки, верю, ясноликой,
Провидец, даром наделен,
Он чуял гул грозы великой,
И гром победы слышал он.
Он знал:
Для счастья каждый создан
И верил, что настанет век:
Взлетит, неся улыбку к звездам,
Крылатый русский человек!
Вступает Пушкин
В наше время,
Идет по селам, городам
И повторяет:
«Здравствуй, племя
Младое!»
Обращаясь к нам
Где Русь жива,

Там зреют силы,
Заря выходит из-за гор.
Друзей Руслана и Людмилы
Не одолеет Черномор.
Стихи струятся и струятся,
И совершится диво див.
В одну семью соединятся,
И совершится диво див.
В одну семью соединятся
Народы, распри позабыв,
И все тепло и просветленно
Прочтут за дружеским столом.
«У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...»

Я за строкой поэта чудной
Спешу,
Лечу, как в майский сад...
«Ах, обмануть меня не трудно -
Я сам обманываться рад».

2010 - 2011

**СМЕЛЫЙ
СОКОЛ**

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

СМЕЛЫЙ СОКОЛ

Максим Горький

1.

Минувшего бесценные страницы
Пришли, шумя,
Душе моей сродни.
Цветут луга,
Река бежит - струится
На Волге праздник -,
Горьковские дни.
Богатырю - писателю сто десять
Года его для нас, как буйный лес
Каким весам такое чудо взвесить,
Такое восхождение до небес?
Мы верили, что помнить будем долго
День, что играл Жар - птицею в руке
Не позабыть ни Новгород, ни Волгу,
Ни теплоход, бегущий по реке.
Старинный Нижний,
Славный русский город -
Молва о нём, как море, широка
Посмотришь в небо,

В облачные горы
И воспарит душа под облака.
Там по утрам
Игра румяной зорьки,
Там по ночам
Сияние луны...
Тогда мы называли город Горький
И забывать такое не должны.
Носил он имя громкое по - праву,
В другом же гордом имени - века
В нём русский дух
И трубы русской славы
И вечный зов душе издавека
Круты холмы, где предков тлеют кости.
История - созвездие имён
Из разных мест приехали мы в гости
Под самый синий - летний небосклон
Ока, сливаясь с Волгою, шумела
Мне о родных тургеневских места,
Где также небо ярко голубое
И парк стоял в таких же деревьях
Разлив лугов, цветов, полей и хлеба.
Вода весь день, как в горном хрустале.
По Волге шёл корабль
Под русским небом,
И праздник был для всех на корабле.
Ушли куда- то в сторону косые
Дожди - погода радовала нас...
Отсюда Минин звал спасать Россию,
Пожарский шёл спасать её и спас.

На «Кузьма Минине»
На белом теплоходе
Был каждый плыть до Каспия готов
Во власти дум о золотом народе,
Что так велик в деяниях веков,
Победы вспоминали неустанно,
Наш Сталинград, пленённого врага.
Ещё и то, что Разина Степана
Доныне помнят эти берега.
Он был и есть не птичкой - невеличкой,
А бравым атаманом и в ушах
Гремело вновь и вновь «Сарынь на Кичку!»
И замирало в буйных камышах.
Здесь Пугачев, царём в Казань вступая,
Свой принимал ликующий народ.
Парила туча буркою Чапая,
Над степью подпирая небосвод.
А там бурлак, бечевкою подпоясан,
Угрюмо брёл, судьбу свою кляня,
Стихи о нём обдумывал Некрасов,
Известные до нынешнего дня.
Перекрывая песни ветровые,
Гремел Шаляпин во
Вселенский бас.
А там, у плёсов Чкалова, впервые
Большой мечты пробил крылатый час.
Осталось плыть не долго, даже близко,
Увидим снова берег из окна,
Где юноша Ульянов из Симбирска
Стоял, и там же

Тень Карамзина.
Страна моя вовек непобедима,
Другой такой
Не знаю на земле...
Там Горький наш присутствовал незримо
На всём пути на белом корабле.
В курганах книг, мечтая о высоком,
Искал он правду, гений жарких строк:
Бесстрашный Данко,
Благородный Сокол
И Буревестник мудрый,
Как пророк.

2.

Природа края выглядела славно:
Она согласно времени цвела
И все мы дружно думали о главном -
На первом месте Родина была.
В эфире звуки солнечные милы
В ответ на плеск воды и шум ольхи:
О Волге пела Зыкина Людмила.
Ошанин ликовал: «Мои стихи!»
Был Гранин с книгой о блокадном Ле-
нинграде
Был Дудин со стихами о войне.
Просились чайки в души и в тетради
Купая крылья в ясной вышине.
Звенело поэтическое слово
И в каждом были милые края.

Смоленщина у Юрия Пашкова,
Орловщина - моя любовь,
Моя!
«Касаясь трёх великих океанов», -
Нам вспоминался Симонов тогда, -
Вся в чёрных обручах меридианов,
Непобедима, широка, горда».
Поэт был прав, Доныне все правее,
Особо те, кто сотворил раскол.
Я тот Союз порочить не посмею.
Не он ли нас к спасению привёл?
Спасение то вызрело в народе,
В полётах звёздных, в людях, как орлах,
И в самой удивительной природе,
Воспетой нежно в прозе и в стихах.
В шелках лугов, вставаниях на зорьке,
В трудах на пашне, в гулкой молотье
И в той судьбе, которой имя Горький,
В большой векам дарованной судьбе.
В курганах книг с мечтою о высоком
Искал он правду жизни, гений строк:
Бесстрашный Данко,
Благородный Сокол
И Буревестник мудрый,
Как пророк...
В рядах гостей был Юрий Разумовский,
Стихи читал про город Новосиль,
Был Яков Шведов - ветеран Московский,
Горячим сердцем молод и красив.
На крыльях вечно юного «Орлёнка»

Со славою парил он
Много лет.
Шутили мы, смеялись, пели звонко -
И каждый был поэзией согрет.
Забыть ли нам
Титова Владислава,
Островский он!
Корчагин Павел он!
Без рук шагнул
К литературной славе,
Зубами стиснув
Верный карандаш.
Герой - шахтёр,
Герой перед врачами
Его и дале мужество вело:
Сидел, писал бессонными ночами,
Как песню, повесть:
«Всем смертям назло»
Судьба ударила его грозою
Он устоял на взрывчатом огне
О, как Саратов чествовал героя!
Оваций гром подарен был жене!!!
На поле том
Где Юрий наш Гагарин
Сошёл с небес и выкрикнул
«Я свой!»
Большой букет Титову был подарен,
Цветы, увы, не принял наш герой...
Он покори нас подвигом высоким
Был рядом с ним

Творец великих строк:
Бесстрашный Данко,
Благородный Сокол
И Буревестник мудрый
Как пророк.

3.

Глазам предстало давнее веселье,
Как новоселье
Гулкое, как гром,
Родился сын
Назвали «Алексеем:
«Расти Алёша!
Будь богатырём!»
Кружили чайки в небе ярко - синем,
Как первый снег, порхающий с высот.
Расти в стране по имени - Россия,
В большую жизнь плыви,
Как пароход.
Ласкала мать, от слёз счастливых тая,
Смотрела сыну в ясные глаза.
Сияла бабушка
Душою золотая:
Любовь и нежность выразить нельзя.
В её речах,
Ковром стелясь атласным,
За сказкой сказка плыли в тишине.
Казался внук
Царевичем прекрасным:

Придёт пора - поскачет на коне.
Глядишь, по Волге бравым капитаном
Захочет плыть за счастьем далеко.
Увидеть море и другие страны,
Как в старину на Севере
Садко.
Тот был Садко из Новгорода родом,
Что Нижнему навеки старший брат.
Бушует там полярная погода,
Но также чайки белые кружат.
Поплыл бы он и радостно и смело,
Дорогу - даль всем сердцем возлюбя,
Как мать мечтала, бабушка отела:
Увы, иная выпала судьба.
Отца не стало,
Матери не стало.
Беда к беде:
Вдруг разорился дед.
Смотрел на внука хмуρο и устало:
По всем статьям,
Удачи в жизни нет.
В садах, в лесах
Поют, как прежде птицы
А тут семью охватывает страх.
Уходит в церковь бабушка молиться
И постоять на паперти в слезах.
Бывало бабушка не говорила - пела
Духовные стихи о старине,
Чтоб вырос внучек добрым и умелым,
И самым смелым в отчей стороне.

Души моей предел желанный

Слова, как жемчуг, западали в душу,
Смеялась, шутки разные любя:
«Ах ты, пермяк!
Пермяк - солёны уши!
Чтоб подняло и шлёпнуло тебя!» -
«Ах, бабушка!
Ты расскажи про Бога!» -
- «Изволь, Алёша.
Слушай мой рассказ.
Таких, как мы, у Бога
Очень много,
Он видит каждого
И знает всё про нас».
Всё любо - мило в бабушкиной школе
Пошире только уши открывай.
«Господь сидит на небе,
На престоле.
Вокруг сады, цветы -
Там вечный рай.
Деревья там серебряного цвета.
Нет ни зимы, ни осени в раю.
Там круглый год весна,
Весна и лето.
Всем хорошо живётся в том краю.
Белее снега ангелы летают,
Мелькают, словно птицы,
Там и тут.
Хвалу Создателю поют и повторяют
И никогда при том не устают.
Сияла бабушка, как будто молодая,

Она сама, как яблоня, цвела.
Не видела ни Господа,
Ни рая,
Но веру свято в сердце берегла:
«Я ничего придумывать ни стану,
Но как - то раз во храме на заре
Сама я видела:
Прошли, как два тумана,
Два ангела
И скрылись в алтаре».
Она стихов и песен столько знала:
Наверно, не запомнить никому.
Она всю жизнь, как солнышко, сияла
И людям всем,
И внуку своему.
Про старину немало рассказала,
Играли самоцветами слова.
Легенду за легендою вязала,
Как в молодые годы кружева
Об Алексее Божьем человеке,
Премудрой Василисе речь текла.
В былинном веке,
Стародавнем веке
Сама, как будто тоже побыла.
Как будто вместе с Марфой из Посада
Бельё стирала утром на реке,
Как будто с Богородицею рядом
По мукам шла и шла
С крестом к в руке.
С косою пушистой,

С добрыми глазами
Была для внука высший идеал.
«Я весь наполнен был её стихами,
Как улей мёдом», -
Горький вспоминал.

4.

Вставал снегов рождественских белее
Из глубины бывшего Китеж - град...
Мечтал мальчишка вырасти скорее,
В далекий путь отправиться был рад.
И вдруг вбежал с горящими глазами
Средь ночи дед: «Пожар! Воды! Воды!»
Тяжёлым было божье наказание,
Едва сумели выйти из беды.
В слободке петухи кричали громко.
Корабль давал протяжные гудки.
Алёша Пешков двинулся с котомкой
Чтоб начать жизнь с неизвестной строки.
Сурова жизнь - не яблочко на блюде.
Всю правду Горький выложит потом,
Напишет «Детство»
И напишет «В людях» -
Вместит немало горя
Каждый том.
На новичка судьба смотрела хмуро,
Вздыхал сочувственно лишь старый парод
Не знал сперва,
Что строгий повар Смурый

Не просто повар -
Тайну бережёт.
Открыв сундук,
Он путь ему откроеет.
Великий путь,
Дорогу из дорог.
И этот путь совсем не за горою.
Зовёт, трубит он, как в пастуший рог.
Изведай наслажденье наслаждений.
Восторг восторгов,
Небывалый свет.
Сегодня ты никто,
А завтра гений,
Художник ли,
Учёный ли,
Поэт!
Где чтение, там радость в каждом миге...
И в каждом томе - новая судьба.
Сундук открыл, а там - сплошные книги.
«Вперёд!» - гремит походная труба.
За часом час мгновенно пролетает,
Казачий край.
Казачья старина.
«Тараса Бульбу» юноша читает.
Стоит великий Гоголь у окна.
Учитель требует читать спокойно, внятно.
Роман ли толстый,
Малый рассказ:
«Читай семь раз, а если не понятно,
Присядь и прочитай двенадцать раз!»

Души моей предел желанный

Писали в старину, что книги - реки,
Питающие разум и сердца.
И всё прекрасное, что есть у человека.
Идёт от книг, познанию нет конца.
Всю жизнь отдай
Святому наслаждению -
Читать, читать и далее читать!
Ученье - свет.
А тьма, где нет ученья,
Там для души просвет и благодать.
Была бы жизнь для Пешкова пустою,
Не матерью, а мачехой была.
Но вот настало время золотое
Явилась книга,
К солнцу повела!

5.

Он стал другим - я правды не нарушу.
Его признание просится в стихи,
Писал он «Книги вымыли мне душу,
Очистив от житейской шелухи».
Да будут знать и взрослые, и дети
Его слова, как лучший плод в саду:
«Пришла уверенность, Я не один на свете,
А потому нигде не пропаду».
Корабль мой вышел в солнечное море,
Надёжен парус - ветру не свалить,
За ростом всех открытий и теорий,
За сменой их в науке стал следить.

Пришла ко мне, блистая именами,
Пора ученья - лучшая пора.
Моя начитанность -
Спасение и знамя.
Как лучший друг, как верная сестра.
За томом том, страница за страницей.
Строка к строке - живые голоса.
Трава в росе на зорьке серебрится,
Поёт пила, работает коса.
Строку к строке выстраивает строго
Писатель - автор, рифмою звеня.
Читатель видит снежную дорогу
И санок бег, и резвого коня.
Прекрасен мир Руслана и Людмилы,
А там - Гвидон, семья богатырей.
Вечно сердцу милы
Летят слова не зная рубежей.
Он пел добро, любовь, ценил свободу,
Он милость смело к падшим призывал,
Служил народу,
Верен был народу,
Горой за Землю Русскую вставал.
Не допускал он лжи и пустословий,
Глубокий ум и ясный слог ценя,
В «Онегине», в «Борисе Годунове»
Немало строк
Для нынешнего дня.
Страны родной поэт умножил славу,
Не выносил услужливость и лесть.

Души моей предел желанный

Отечество воспел, создав «Полтаву»,
А в «Капитанской дочке»
Поднял честь.
В нём каждый звук - сплошное совершенство,
Ни фальши нет, ни повторений нет.
Оставил он, как заповедь блаженства,
Для обновления жизни дал совет.
Наш Гоголь - славное поэта продолженье,
За ним, за ним уверенно идёт.
До «Мёртвых душ» во власти вдохновенья,
Он совершил блистательный поход.
К «Тарасу Бульбе» шёл от «Страшной мести»,
От «Вечеров» - к героям - казакам.
Простор во имя дружества и чести
Давал патриотическим словам.
И там же Лермонтов отважный из отважных,
Некрасов там - честнейшая душа.
Учили классики писать о самом важном,
Одним дыханьем с Родиной дыша.
Крылов, Лесков, Тургенев, Достоевский,
Щедрин, Островский - славы имена.
Не только властью, королевской,
И властью слова Родина сильна.
Единой пьесой славен Грибоедов,
Единой сказкой - автор «Горбунка».
Народ берет в дорогу и победы,
Кто вне народа,
Тот ему неведом,
Не воспарит

Орлом под облака...
Широкой Волги рыжие откосы
Его должны запомнить навсегда,
Как он бродил большой,
Длинноволосый,
И видел даль,
Иные города.
Ходил в рубашке чёрной и поддёвке,
В широкой шляпе, в долгих сапогах
Умел шутить улыбочиво
Всегда огонь сиял в его глазах.
Свои прогулки делал, как по кругу,
Чтоб всё Заволжье виделось вдали.
Уехал вдруг и странствовал по югу,
Куда летят под осень журавли.
Откуда птицы раннею весною
Летят домой, залиvisto трубя.
Дороги странствий - время дорогое:
На всём пути искал,
Искал себя.
И не в песках,
Не в бархатных барханах,
В моём Орловском песенном краю
Увидел он как призраки в туманах,
Избушек чёрных жалкую семью.
Увидел он в губернии Орловской:
Детишки с плачем ползали в дыму.
«Народ мы терпеливый и таковский» -
Вдруг из угла слышалось ему.
Картины нет печальнее и горше,

И эта жизнь идёт из века в век.
Но отчего же мученик Егорша
Тот самый развеселый человек?
Всегда в запасе есть для гостя шутки,
Любому дарит золото - слова.
Частушки, поговорки, прибаутки,
Он сыплет, как горох из рукава.
В Кромском уезде
Думалось отрадно
От добрых лиц,
От чудо - языка.
Потом читал «Воительницу» жадно,
Всё вспоминал Егоршу - чудака.
О, «Леди Мценского уезда!»
О, «Соборяне», «Зверь» - открытый тьма...
Ему сияли ярче всех созвездий
Лескова чудотворные тома.
Он понял, чем Орловщина богата,
Чем одолеет бедность -
Эту гнусь.
«Пронзил всю Русь, -
Сказал потом крылато,
Пронзил всю грешную
И праведную Русь...
Алёшу Пешкова вперёд вела дорога
Через поля,
На горный перевал.
Книг прочитал он много,
Очень много,
И всё казалось, мало прочитал.

Постиг от Ломоносова до Блока
Он русский стих,
Прочёл романов тьму.
Толстого Льва так уважал глубоко,
Что даже в гости двинулся к нему.
Он к той поре постранствовал немало,
И выше стал, и старше по годам.
Душа его от страха замирала,
Когда ему навстречу вышел Сам.
Его в губернии боится губернатор,
В России царь,
И власть его долга.
На сотни вёрст один, как император,
Народу друг и преданный слуга.
Кто ты? Никто, солдат без командира,
Бродяга, нищий, вроде босяка.
А этот граф - творец «Войны и мира»,
Молва о нём, как море, широка.
Такая жизнь забудется не скоро,
Особый дар
Ему недаром дан.
Как Гоголь, он, создавший «Ревизора»,
Как Пушкин, смело едущий в буран.
В большом писателе есть царственное что-то.
Продумай всё, что следует сказать.
Ему работа больше, чем работа,
А Родина воистину, как мать.
Он за неё готов в горнило боя
Со всем накалом выстраданных строк.
Готов прикрыть собою,

Да, собою
И дом, и сад, и каждый буторок:
За небо русское, за русские могилы,
За русский свет поэзии родной,
Где с каждым днём растут и крепнут силы.
Ну, кто с такою справится страной!
Рад Пешков слушать каждого по - братски,
Особо, если видел: старший брат
Вдруг перед ним
Встал Иоанн Кронштадский:
Как острый меч пронизывает взгляд.
К нему с бедой,
К нему под грузом горя,
А он для всех в трудах неутомим.
Людское многотысячное море
Шумит, как перед бурей, перед ним,
И вот устал, принять людей уже не может.
Всё чаще мысль об отдыхе в тепле.
Но тут вопросом юноша тревожит:
«Откуда зло берётся на земле?»
«От дьявола!» - как выдохнул, ответил.
И смолк, горят сердитые глаза.
И странник дальше двинулся, как ветер,
Туда, где мечет молнии гроза.
Минувшее в страстях, заботах, войнах
Круженьем судеб шло к нему из книг.
В чем жизни смысл?
Как жизнь прожить достойно?
Не сразу странник - юноша постиг.
Когда бродил, как странник у Лескова

И на пути расспрашивал народ.
Писал стихи, оттачивая слово,
Искал себя...
Себя из года в год.
Родная речь в пословицах звенела,
Играла в сказках,
В говоре людском,
Душа познать Отечество хотела,
Познать движенье трудное в былом...

6.

Сын Волги - матушки,
Трибун на всю Россию,
Он возгремел,
Как Муромец Илья.
Как Святогор, явил народу силу,
Прославил в мире отчие края.
В пекарне в юности он обливался потом
Он больше тонны в смену выпекал.
Читал он книги, тоже, как работал,
С открытым сердцем правду принимал.
Творя тома,
Без усталы читая,
По жизни шёл, страницами шурша.
Кто знал его, тот верил:
Золотая
У Максимыча душа.
О, время странствий - время вихревое
Вчера - дорога, пыль, степной простор,

Души моей предел желанный

Сегодня - ночь и звезды, гул прибоя,
Старик - цыган и тлеющий костер.
От моря веет стужей ветер влажный,
Летит, разносит шелесты и шум.
Заходит речь о важном,
Самом важном.
И вновь старик спокоен и угрюм.
«Ходи, - сказал, - но знай простую штуку,
В заботах люди: каждый о себе».
Постиг цыган великую науку:
Во всем, как есть довериться судьбе.
Несло от моря тёмного прохладой,
Седая быль припомнилась опять:
«Вот раньше люди были:
Лойка, Рада,
Таких негоже миру забывать.
Их не купить ни серебром, ни золотом,
Их не берут ни пуля, ни кинжал,
Богаты смелостью,
Достоинством богаты,
Таких ваш город жалкий не видал.
Таким, как звездам в сумерках светиться,
Таких искать, искать и не найти»...
«Макар Чудра»
Стал звёздной страницей
На самом трудном - творческом пути.
«Старуху Изергиль» навеял ветер.
Потом «Челкаш».
А там пошло, пошло...
И Короленко юношу заметил.

И Чехов поприветствовал тепло.
Рассказы, очерки - и правда в каждом томе,
Андреев, Бунин - верные друзья.
Успех на всю империю огромен.
Шагнул успех в заморские края.
Самими Толстым замечен и отмечен:
Талантами богата наша Русь!
Пошёл, сутлясь,
Чувствуя: на плечи
Спустили с неба груз,
Великий груз.
Ему бы жить и жить, гордясь успехом,
Творя тома, беря себе дома.
Но он решил пройти по всем огрехам
С размахом полным сердца и ума.
Не рыскает за фактом по архивам,
Берёт из жизни для правдивых строк.
Не может быть спокойным и счастливым,
Когда вокруг страданья и порок.
Однажды осенью в «Самарскую газету»
Пришло письмо из Нижнего,
И в нём
Была рекомендация поэту
С горячим сердцем,
Творческим умом.
А там и сам поэт сошёл на берег,
Держа в руке тяжёлый чемодан.
В свои он силы верил и не верил,
Но добрый нрав не зря ему был дан.
На улице Толстого поселился,

Души моей предел желанный

В громадном доме окнами во двор.
Кругом огнями город золотился,
Вдали - Заречья пасмурный простор.
Приехал не один - с библиотекой.
Шекспира, Пушкина и Байрона тома
Под звуки девятнадцатого века
Копил он силы сердца и ума.
Жена Екатерина вспоминала,
Как шли венчаться: радостно, во храм.
Как сын Максим родился,
Трое стало.
Какое дополнение к томам!
Привык к житейским всяческим узорам.
Сегодня - за писательским столом.
А там - арест,
Сиденье под надзором,
И вечный бой с неправдою и злом.
Не жил - горел и в этой круговерти
Пошёл на обострение процесс.
В туберкулёз,
Грозивший скорой смертью,
Он, как в пучину тягостную, влез.
В Самаре слёг,
Лежал, мрачней, в Нижнем,
Врач Золотницкий выронил «Беда!»
Устал надеяться, а смерть к нему всё ближе,
В окне от стужи - снег и кромки льда.
Литфонд, приславший денежную ссуду,
Отправить на лечение помог.
В Крыму он встал. Решил:

«Лежать не буду!»
И выбрал вновь дорогу из дорог.
Нашёл село большое под Полтавой.
Сады в цвету белее лебедей.
И ну опять писать не ради славы,
А ради просвещения людей.
Опять готов отдать себя до капли,
Работе, как актёр и режиссёр.
«Мартын Боруля» стал таким спектаклем,
Наверно, помнят люди до сих пор.
«Народу - масса, дружно хохотали, -
Писал потом с улыбкою жене. -
За тягу к знатности
Богатых осмеяли.
Помещица не кланяется мне».
Зато обед устроили крестьяне.
Пятнадцать вёрст до станции прошли.
Кричали «Друг!»,
Пока состав в тумане
Не скрылся с гулким грохотом вдали.

7.

И вдруг любого грохота превыше
Движенье правды - истины в народ.
Двухтомник Горького, всех будоража,
Вышел,
Как поезд скорый,
Двинулся вперед.
Челкаш - бродяга,

Пекарь Коновалов,
Силан могучий -
Вот он русский люд.
Для них пора великая настала:
Они к рулю истории встают.
Где автор?
Ищут жадными глазами,
Как будто автор вышел на разбой.
Везут в Тифлис, а там - в Метехский замок:
Сиди один, толкуй с самим собой!
Освобождён!
Стал жить с клеймом злодея.
За ним следят, глядят во все глаза.
Из - под пера встает «Фома Гордеев -
Для мира обречённого гроза.
Жил в девяносто пятом он в Самаре,
Борясь за справедливость и добро.
Не шёл туда,
Где в творческом ударе,
Заботясь о высоком гонораре,
Спешат продать повыгодней перо.
У этих нет ни совести, ни Бога,
Мельчают вместе с мелочной толпой.
Придёт пора:
Народ осудит строго,
Того, кто шёл не честною дорогой,
А полз, как уж, извилистой тропой.
Он в Революцию широкими шагами
Вошёл, кострами дымными дыша,
И встал под знамя,

Огненное знамя,
Рванулась к буре
Чистая душа...
Пускай судьба - свирепая волчица,
Решил всю жизнь, работая, гореть,
Учить добру
И сам добру учиться
И, если надо,
В схватке умереть.
В заботах жил он только о высоком,
О том, чтоб в мире делалось светлей.
Да будет так!
Он - Сокол,
Русский Сокол,
Он верный раб лишь совести своей.
Рождённый ползать, знал,
Летать не может.
И он парит, раскинув два крыла.
Судьба людей давно его тревожит:
Она в глубины сердца залегла.
В начале самом взорванного века
Создал «На дне»
И там, на самом дне
Он, как никто, возвысил человека
В своей стране,
И не в своей стране.
Зазеленели травы по курганам,
Запела шумно полая вода.
Работал он над пьесой «Мещане» -
И вдруг - арест

Души моей предел желанный

С угрозой на года...
Письмо жены пришло,
Как голубь белый,
В ладонь легло,
Задвигалось в руке,
Жена его порадовать хотела,
Хотя и находилась вдалеке.
Представил косы русые, густые,
Глаза лучистые,
Хмелея без вина.
Увидел чудо, - палочки кривые,
«Писал Максим», -
Добавила жена.
Ах, милый мальчик!
Вот он рядом дышит
И тоже пишет, пишет
Тут как тут.
Счастливый узник окриков не слышит:
Ему родные палочки поют.
За днями дни ленивою походкой
Прошли, а там и месяц миновал.
Держать не стали больше за решёткой:
Сам Лев Толстой недаром хлопотал.
На воле он,
В усах, в громадной шляпе
Ну, словом, богатырь богатырей.
Прислал письмо восторженный Шаляпин,
Прочёл и сразу стало веселей:
«Я был бы рад дружить с тобою вечно,
Дружить и дружбой нашей дорожить

И в том краю, где вечность бесконечна,
Искусству вечно русскому служить!»
Двадцатый век позвал смелее браться
За дело обновления времён
И Горький стал героем демонстраций.
Народ следит, где он,
Что скажет он.
Он выбрал путь - протесты и аресты.
Гектографы работают, стуча.
Печатается «Песня» -
Буревестник
Над морем реет жарче кумача.
Кричит он, «чёрной молнии подобный»,
Что буря, буря страшная близка.
Писать о власти царской неудобно:
Была она от жизни далека.
И раз, и два в войну потом влезала,
Как глупый сом в расставленную сеть,
Одним беднеть нисколько не мешала,
Другим давала волю -
Богатеть!

8.

Шёл пятый год.
Январь пришёл кровавый.
Явилась депутация к властям,
Был Горький там,
Пришёл не ради славы.
Просил вниманья искренним словам:

Души моей предел желанный

На все вопросы ждёт народ ответа.
До высших сфер извольте донести.
Коль хлынет кровь,
Заплатите за это,
И уж тогда Россию не спасти.
Прольётся кровь!
Поймите же, поймите!
Спешите меры скорые принять!»
Слова свои
Рассыпал гордый Витте,
Не захотел писателя понять.
Назавтра видел Горький: как солдаты,
Пошли войной на собственный народ.
Была душа такую болью сжата:
Казалось, миг - и сердце разорвёт.
Увидел Горький раненых, убитых,
Такой беды
Не пожелать врагу,
Оскалив зубы,
Выбросив копыта,
Метались кони, ржали на бегу.
Продумал он Воззвание к народу,
Призвал народ к свержению царя...
И вновь - арест.
И «Горькому свободу!», -
Кричали люди,
Яростью горя.
Он в Петропавловке сидел,
Глядел в оконце,
Потом сидел, работал, стиснув рот,

На волю вышел, вынес «Дети солнца», -
Подарок принял с радостью народ...
Он рос и рос,
И вырос русский гений,
Постиг народ, и быт его, и речь,
Всю жизнь трудясь, не знал, не ведал лени,
Старался честь и совесть уберечь.
Стремился заглянуть во все науки,
В тяжёлый час не вешал головы.
Одна знакомая, узнав, взметнула руки:
«Ах, Алексей! Как изменились Вы?»
Его душа нисколько не устала:
Из душ людских выпаливать дурман.
В Америке
В столице капитала
Творил он «Мать»
Великий свой роман.
Он словом по поверхности не плавал,
Героев брал из самой глубины.
Не победит Россию
Жёлтый дьявол:
Сильны мы славою
Верою сильны.

9.

О, как его Италия встречала!
Звенели, ликовали голоса.
Цвела земля, залитая лучами
Сияли дивным светом небеса.

Души моей предел желанный

Играло море радостно, лазурно
Во всю свою раскованную ширь.
Кипел Сорренто митингами бурно:
«Смотрите! Вот он, русский богатырь!»
Борец за свет и сам - носитель света.
Бесстрашный рыцарь правды и поэт.
Кипело бурно митингами лето,
Был в каждой речи - дружеский привет.
«Италия!
Люблю тебя, люблю я!» -
Кричал, чистейшим воздухом дыша.
Был даже в ветре трепет поцелуя,
И счастьем переполнилась душа.
Был кровь готов отдать до малой капли
Народу щедрости и страсти огневой.
Сидел, писал он сутками на Капри -
Летали ангелы над русской головой.
Отныне стало музыкой Сорренто.
Ах, этот остров! Райский уголок!
Восторг любви - из каждого момента
И новых строк играющий поток.
Сюда спешил всегда, как из тумана,
От урагана - к мирной тишине.
Творил рассказы, повести, романы.
Все годы был, как всадник на коне.
Он будто плыл под парусом высоким.
Держа свой курс упрямо на восток,
Смотрите, люди, вот он, русский Сокол,
Наш Буревестник ярый и Пророк!
Отсюда видел он украинские степи,

Кавказ и Волгу,
Милый отчий край.
Играло море.
Бегал мальчик Пепе,
И вся земля была ему, как рай.
Как тот, слышал он в детстве о котором
От бабушки под шум родных берёз.
А с моря дуло - веяло простором,
И было сердце тронуту до слёз.
Как много написал он, русский гений!
Как много исходить успел дорог!
На целое собрание сочинений
Сберег любовь
И мужество сберёг.
Исполнен был великого желанья
Творить для всех,
Для каждого из нас.
Ещё одно старинное преданье,
Ещё один волнующий рассказ.
«Восславим Мать, - писал, - источник жизни,
Всепобеждающий, прекрасный, как лазурь».
Народы покорив, людские души вызнав,
И сына потеряв,
Сидел Тимур.
Он пировал в долине Калигула,
Покрытой щедрой
Облаком из роз
Душа в пирах, в сражениях уснула.
«Как много стою?» -
Выбросил вопрос.

Души моей предел желанный

Спросил Тимур, себе не зная меры,
Во власти лести, славы, и вина.
Поэт ответил:
«Двадцать пять аскеров» -
«Да это, - крикнул, - поясу цена!»
«О поясе я только и толкую», -
Сказал поэт, отвагою дыша.
А сам, - изрёк он истину простую.-
А сам ты, царь, не стоишь ни гроша.»
Изрёк он смело истину и вышел.
Гремит в веках народная молва:
«Поэт -- носитель правды, всех превыше,
В нем воля Бога вечного жива».
Был полон царь могущества и силы.
Явилась женщина
И стала умолять
«Мой сын пропал! Найди его, - просила
Ты сеешь смерть, я сею жизнь.
Я - Мать.»
И молвил, победивший Боязета
И повторил сурово вновь и вновь:
«Любовь - источник радости и света.
Сильна вот этой женщины любовь
Пусть триста всадников
Немедленно поскачут
Во все края
И сына ей найдут.
Да будет только так и не иначе!»
Глядит: глаза у женщины цветут.
«Ты - царь! - откинув волосы, сказала,-

Да будут долгими твои земные дни».
Когда нашли,
Как солнце просияла
Была его величию сродни...
Писатель жил на Капри, полон силы
И полон веры: правда победит.
Писал и знал, что милую Россию
Иное время заново родит.
Он лекции читал в партийной школе.
Писал роман,
Обдумывал журнал.
Он левых, правых спрашивал: «Доколе?!»
Но жаркий спор
У них не затихал.
В нём жар объединения проснулся
Под говор волн, у моря на виду.
Он по совету Ленина вернулся
В Санкт - Петербург в тринадцатом году...
Встречая Горького, столица ликовала.
Потоком хлынули приветствия в печать.
И первый номер нового журнала
Счастливый Горький начал собирать.
И вышла «Летопись»,
А там явился «Парус» -
Прекрасен был издательский прорыв.
Не для войны в сердцах людей кипела ярость.
Талантливых людей объединив.
Тут Маяковский возгремел могучим басом,
Принёс поэму «Облако в штанах».
Тут Пришвин был загадочен и ясен.

Иванов с первой повестью в руках.
Пришёл Шишков пока не с «Пугачевым»,
Сергеев - Ценский был и Брюсов был.
Антивоенное решительное слово
Тот и другой в бессмертие врубил.
Писали Горькому Роллан и Короленко,
Андреев, Бунин, Шоу и Куприн...
Война была готова на коленки
Поставить нас в любую из годин.

10.

Война всё тяжелее для народа,
Устали жить изрядно при царе.
Пришёл февраль семнадцатого года,
Но главное случилось
В Октябре.
Война не зря кошмарная кипела,
Взялась людей воспитывать во зле.
А там пошли бессудные расстрелы
И прочие расправы на земле.
Невинно убиенных
Трудно счислить.
Сам сатана рванулся править бал.
Тогда «Несвоевременные мысли»
Писатель вдруг во гневе написал.
Порядок старый пал, но не разрушен.
Пора извечной глупости жива.
Во имя братства да сольются души,
Падут на сердце добрые слова.

Свобода - счастье.
Нет ему границы.
Свободы свет, как сердце, береги.
Свободы враг внутри у нас гнездится,
Повсюду хитро делает круги.
Пришла пора Есенина и Блока,
И Маяковского большого торжества
Пошли греметь раскованные строки,
Как майский дождь, посыпались слова.
Горячих мнений трудно перечислить,
Везде собранья, митинги, как лес,
Свои «Несвоевременные мысли»
Печатал Горький
Времени вразрез.
Крушили шумно винные подвалы:
«Гуляй, народ!»
Кружилась голова.
Таких пиров ни разу не бывало.
С тех пор, как Русь несчастная жива.
На всей земле порядок закачался,
Где красный флаг и люди без погон.
Народ с какой свободой обвенчался?
И где теперь порядок и закон?
Сперва писал: «Воскрес народ из мёртвых».
Звал к торжеству покоя и любви.
Но у Свободы, птицы нашей гордой,
Увидел крылья светлые в крови.
Была стрельба, и туча грозовая
Закрыла вдруг сияние зари.
Как будем жить, друг друга убивая?

Коварный враг работает внутри.
Он, этот враг, страну толкает в пропасть.
Куда ни глянь, лютует сатана.
На первом месте - жадность и жестокость.
Война? Но с кем готовится война?!
Кнутами царь не смог бы столько высечь,
Как много их поставили к стене,
Невинно убиенных столько тысяч!
Как на войне.
Совсем, как на войне.
Шумят - бушуют пьяные погромы,
Решила власть отстреливать людей,
Нам это всё до ужаса знакомо:
Пальба и кровь на лицах площадей.
Нас приучают заново к расстрелам,
В большом ходу кровавый самосуд.
А воры занялись обычным делом
И взятки, как при Гоголе берут.
Лежат одни, упавшие от страха,
Казалось, жизнь навеки замерла.
Осталось взять
И мёртвые рубахи
Надеть на эти мёртвые тела.
Но верим страстно
В клич над бранным полем:
«Вставайте, люди добрые, скорей!
Убить Россию нашу не позволим,
Народа голос громче батарей.
Мы в День рождения Христа,
Да, да, Христово

Того, что принял муки на кресте,
Возвысим слово, искреннее слово
О вере, о любви, о красоте.
Писатель слово страстное возвысил,
Спешил судить крутые времена.
А перед ним кипело море писем,
По сердцу била каждая волна.
Какие вдруг настали перемены!
Шумит базар. Прохвосты тут как тут
Мукой обсыпав толстое полено
Под видом мяса лихо продают.
Там моряки поглядывают косо
На всех, не просят помощи ничей
Грозятся: «За убитого матроса
Мы тысячу прихлопнем богачей!»
Диктует кто?
Сам демон или леший?
Иль водяной в трущобах тростника?
«Перестрелять их всех
И перевешать!», -
Строчит, не дрогнув,
Женская рука.
А женщине быть матерью пристало,
Ласкать дитя в саду и на крыльце,
Да, чтоб улыбка нежная сияла,
Улыбка, а не ярость, на лице.
О, как же нас волнует и тревожит,
Что эта женщина,
Жена,
Невеста,

Мать,
Грозя «всех перебить и уничтожить»,
Свое готова сердце надорвать!
Пошли в поход на русские просторы,
Бросая непотребные слова,
Мошенники, разбойники и воры,
Как только Русь несчастная жива?!

11.

Наступает страшная эпоха:
Грабят храмы, женщин продают.
Тащат Русь - бедняжку на Голгофу,
На глумленье зверю отдают.
День грядущий зрим чернее ночи.
Дым пожаров застит белый свет.
Русский бунт бушует и клоочет:
Нет порядка, будущего нет.
Русь люблю мучительно, тревожно.
Мне тропинка малая близка.
Неужель народу невозможно
Выйти из такого тупика?
Ничего выдумывать не стану.
Происходят жуткие дела.
Почитайте Вольнова Ивана:
Он - свидетель честный из Орла...
Вольнов - сын крестьянина,
Он вырос
На земле Куракиных - князей.
В нем такая сила проявилась,

Души моей предел желанный

Всё смотрел, как море шевелится,
Как на берег движется вода.
Родина вставала из тумана,
Соловьиный слышался напев.
Вспоминалась Ясная Поляна
И седой Толстой
В тени деревьев.
Прочитал «На дне» ему при встрече.
«Проще!» - услышал о языке. -
Больше правды!»
И, сутуля плечи,
Стал, как странник с посохом в руке.
Посмотрел задумчиво и строго,
Душу посоветовал беречь
И повёл о Боге, да о Боге,
Хорошо продуманную речь.
Суетились голуби на крыше.
С неба лился свет,
Великий свет.
«Нечего ломать себя!» -
Услышал
Хорошо продуманный совет.
Крепко старец спит давно во гробе,
Как цветы, укрытые листом.
«Этот человек богоподобен!»! -
Сделал запись Горький о Толстом...
Ленина увидел он на Невском
В том мятежном пятом,
В ноябре.
Горький был в подъёме королевском,

Ленин в самой дружеской поре.
В похвалах за книгу рассыпался:
«Здорово! -
И во - время притом.
Ниловной твоей залюбовался.
Твой роман не раз ещё прочтём.
Есть чему рабочим поучиться
Перед тем, как встать
Под красный флаг».
С пользою немалой за границей
«Мать» прочтут на разных языках».
Снова - Капри,
Там на рыбной ловле
Укрепилась дружеская связь.
Принял книги новые с любовью
Небывалой радостью светясь.
Рядом шли
И в лодке были рядом.
Вместе шли на золото огней.
Мир в мечтах вставал цветущим садом,
Сразу становилось веселей.
Заманил их лес воспоминаний.
Милый сердцу выбрали маршрут!
Встал Ульянов Вова из тумана,
А Алёша Пешков тут, как тут!
В синий плёс не в силах наглядеться
Двое, поседевшие в борьбе.
Горький всё рассказывал о детстве,
Ленин молча думал о себе.
«Вот о чём, - сказал он, - напишите!

Смело, друг, к столу и за перо!»
Горький с кашлем справился:
«Простите!
Как -нибудь возьмусь. Добро. Добро»

12.

Вспоминал Илья Самсоныч Шкапа,
Вспоминал двадцатые года.
По совету Ленина,
На запад
Горький срочно выехал тогда.
Должен был у моря полечиться,
Подышать покоем на волне...
Через восемь лет из - за границы
Он в Москву приехал по весне.
День приезда славили газеты,
Был вокзал народом наводнён.
Транспаранты, лозунги, портреты
И цветы, цветы со всех сторон.
Подхватили, вынесли на площадь,
И «Ура! Ура!» - счастливый крик.
Ветер флаги алые полощет.
Он к такому счастью не привык.
Дали слово.
Не берёт он слово.
Спазма! Слёзы льются по щекам.
Шевельнулись губы:
«Я взволнован.
Потрясён.

Потом отвечу вам...»
Май сиял. Природа ликовала.
Он перо из рук не выпускал.
Вскоре стал редактором журнала,
«Наши достижения» назвал.
Выше стал когорты он кремлёвской
И в свои, и в прочие года.
Шли за ним
Есенин, Маяковский,
Пришвин и Леонов, Исаковский -
Что ни имя - яркая звезда.
Рядом с ним - Серафимович, Федин,
И Фадеев, Новиков - Прибой,
Вольнов - друг идёт к нему и едет
С правдой об Орловщине родной.
Горький был им ярче всех созвездий,
Налету подхватывал мечту.
Призывал писателей на съезде
Языка умножить красоту.
Говорил о песнях, пользе сказок,
Злобу, зависть, ругань осуждал.
Не призывал к жестокости ни разу
И дурных примеров не давал.
Идеалов юности не рушил,
Ими даль, как солнцем, озарил.
«Я его за пламенную душу
Полюбил, -
Заломов говорил.
Он тогда мои умножил силы
За решёткой, в жуткой тишине.

От него обеды приносили
Даже деньги в камеру ко мне.
Был он мне и Соколом, и Данко,
Братом был в те бурные года.
Жизнь свою оставил без останка
Русскому народу навсегда».
Ныне гений времени в утуду
Отодвинут в сторону от нас.
Он же разговаривал с народом
Каждый день,
А то и каждый час.
Он себя над всеми нами не возвысил,
Не любил держаться свысока.
Отвечать умел на сотни писем.
Как такое вынесла рука?
Жизнь была смыслом в каждом миге.
Рано радость высшую постиг.
Где бы ни был, книги,
Всюду книги:
Нет друзей надёжней умных книг.
В самый центр культуры,
Всей культуры,
Чтоб сильней, умней была страна,
Горький выдвигал литературу,
Поднимал всё выше имена.
Он глазами жадными своими
Всё читал, читал, теряя сон.
Сберегал он Шолохова имя
От клевет,
Спасая «Тихий Дон».

Верный сын великого народа,
С ним одними болями он жил.
Не работал личности в угоду,
Только чистой совести служил,
Вновь встает былое перед нами.
Горький держит пламенную речь,
Не ломать советует он храмы,
А беречь.
Вы слышите?
Беречь!!!
Жил в трудах, в страданиях и славе.
Рок над ним с бедою нависал.
Он завет для каждого оставил,
Сыну он Максиму написал:
«Ты уехал, а цветы остались.
Все твои, посажены тобой.
Пусть растут, чтоб люди восхищались;
Любовались редкой красотой.
Если б ты, мой сын, везде и всюду,
Всех любя,
Страну свою любя,
Жизнь берёг,
Как солнечное чудо,
Для других,
Не только для себя!»

13.

Памятник стоит передо мною
Вот он, святорусский богатырь:

Проходил и нашей стороною,
Повидал тургеневскую ширь.
Он любил Тургенева, Лескова,
Что «пронзил всю Русь»,
Как он писал.
Знал он Фета песенное слово,
И, конечно, Тютчева читал.
Был в его объятиях Андреев,
Бунин был, а Вольнов - много раз.
Он читал их книги, молодея,
Будь стихи,
Будь крохотный рассказ.
Как звучало горьковское слово!
Для души, не просто для забав.
Шла в театре «Васса Железнова»,
Всех студентов города собрав.
Как тут «Песнь о Соколе» гремела,
Вороша провинции покой!
Триста раз решительно и смело
Шёл спектакль в театре над Окой!
Горький жил и был со всем народом,
Не писал поэмы для господ.
Грош цена и песням, и свободам,
Если их не слушает народ!
Он любил дубравы, горы, степи
И республик дружную семью.
Вспоминался часто мальчик Пепе,
Что влюбил в Италию свою.
Знать хотел историю заводов,
Фабрик наших первые года.

Было просвещение народа
Самой важной темою всегда.
Со времён Радищева деревне
Посвятить обдумывал тома.
Жил мужик во тьме,
Бунтуя гневно.
Ныне мощный свет
Пришёл в дома
Становилось небо голубое,
Веселее лица мужиков
Открывались новые музеи,
Вот ещё один совет готов.
Людный город сделался красивей
Что ни вечер,
В золоте огней.
Горького с поклоном пригласили
Посмотреть на собственный музей.
Труд для славы был ему неведом.
Он любил покой и тишину:
«Внучки пусть любят на деда.
Я пойду, пожалуй, отдохну!»
Старых лет тревожное начало
Вновь пришло и крикнуло «Пиши!»
Слово снова в сердце зазвучало
В полный разворот
Большой души.
Власть вела надзор
За каждым шагом.
С кем стоял?
Направился куда?

Вдруг опять поскачет по оврагам,
Как тогда, в метельные года?

14.

За столом, бывало, вечерами
Пили чай, - Павленко вспоминал,-
Оживали тени перед нами.
Пушкин нас, как братьев, обнимал
С нами был Толстой
И был Некрасов,
Гоголь с нами,
Салтыков - Щедрин.
Был наш путь по - своему прекрасен,
Проходил в сиянии вершин.
Русский древний мир неподражаем,
Там любовь к народу навсегда.
«Век ходил бы, - говорил Буслаев, -
Строил церкви, строил города.
Да ещё сады. Сады повсюду
Разводил бы с радостью большой»
Русское загадочное чудо
Русской называется душой!»
Если ехал Горький,
Люди ждали -
В ясный день.
Будь ночь темным - темно
И цари такого не видали.
И вожди в крутые времена.
Он болел.

Всё больше кашлял кровью,
Клал ладонь на свой усатый рот
А народ бежал к нему с любовью,
Потому, что знал его народ.
Смерть свою
В делах извечных встретил,
Молча лёг под зарево знамён.
Просиял, как солнце, на планете
Вечный зов для будущих времён
Провожал народ его московский
Сталин с урной медленно шагал
Был в слезах поодаль Исаковский,
Он потом печально вспоминал,
Вспоминал, как тягостную ношу
Анны свет Кирилловны слова:
«Ну, прощай, сынок!
Прощай, Олёша!»
И - навзрыд, от горя чуть жива
Как она, Заломова, рыдала
В микрофон по радио тогда!
Вся страна, как сына провожала
Погружали в вечность навсегда...
Многие донине не узнали,
Не постичь корней людской молвы,
Что за бури в сердце бушевали,
Что за боль не шла из головы.
О враче - профессоре Плетнёве
В самый раз бы слово обронить
В самый раз!
Но слово не готово
Тайну века страшную открыть.

Сорок первый год укрыл завесой
Из листвы осенней горы тел.
Тайною Медведевского леса
Под Орлом бессудный стал расстрел.
«Дело» прочитали через годы
Кажется, все факты налицо:
Сам признал вину свою Ягода
Что ещё сказать
В конце концов?!
Пушкин - гений,
Горький - тоже гений,
Знай, читай, страницами шурша.
Заболит душа от совпадений,
От предчувствий мается душа
Где экран - раскованные страсти,
Блеск дворцов, одежд,
Как в чудном сне...
И звезда пленительного счастья
Чуть видна в распахнутом окне.

15.

Взойдёт ли правды свет
Над русским краем?
Возьмут ли верх Добро и Благодать?
Всё реже наших классиков читаем
Глядишь, совсем разучимся читать
Смешно, какие заняли высоты,
В какую забрели чужую даль,
Чапаева пустив на анекдоты,
Отбросив прочь «Как закалялась сталь»,

Мы «Тихий Дон» чернили клеветой.
Где Лиза Чайкина?
Где Кошевой Олег?
Морозов Павлик - имя дорогое,
А мы его втоптали в грязь и в снег.
Мы еле нашу Зою отстояли,
Бросали в пропасть звёзды - имена
От Щедрина и Герцена устали
Пошла нищать духовностью страна
Ни драм Островского,
Ни песен из народа.
Где «Ревизор»?
Где «Горе от ума»?
Мы получили странную свободу,
Вошла тревога в минные дома,
Что за стихи Степана Щипачёва?
Какой ещё там Лебедев - Кумач?
Суркова не было,
Как не было Светлова
На высоте поставленных задач.
Забыты Добролюбов, Чернышевский,
Забыт Белинский -
Яркая звезда.
Не выйдет Блок с «Двенадцатью»
на Невский,
С «Прекрасной дамой» может иногда,
Забыты Исаковский, Паустовский
Есенина читали в юбилей.
Людмилой Бриг спасённый Маяковский
И тот не слышен

Души моей предел желанный

С музою своей.
Где носа воробьиного короче
Начитанность,
Там бьют наверняка.
«А мне и Пушкин ваш уже не очень», -
Строчит в газету резвая рука.
В потоках слов язык родной теряем
Все силится кому- то подражать.
Экран в разврат
Как в лужу погружаем
И душу не торопимся спасти.
Глазами льну к прочитанным страницам
Неужто зря написаны они?
И в сердце боль великая теснится
За имена, забытые в тени.
Мы вспоминать не все,
Не все устали,
За что отцам давали ордена,
Как «Молодую гвардию» читали,
«Катюшу» пели
И «Вставай, страна»...
Одна из книг
Сорок второго года.
Война!
Читаю каждую строку.
Гремело слово давнего похода,
Звало на подвиг «Слово о полку...»
Тут были Пушкин, Гоголь и Державин,
И Ломоносов, Лермонтов, Толстой...
Нам Горький говорил о русской славе,
О русской силе, хватке удалой.

Превозносил он речь: «Великолепна!»
Хвалил народ: «Отважен и силён!»
И Родина не стинула, окрепла
В больших боях под заревом знамён.
Под гром салютов
Были мы на марше
К Победе,
Слава русская жива!
Писатель говорил о книгах наших,
О языке высокие слова.
Литературу нашу он, как знамя,
Поднял до неба, гордостью назвал
В ней, как в народной жизни,
Как во храме
На радость людям
Разум просиял...
Отечество богато именами,
Красой души и силою ума.
Минувшее проходит перед нами:
Полны сокровищ наши закрома.
Не горы хлеба, серебра и злата
Храним средь накоплений дорогих
Отцов и дедов опытом богаты,
Отцов и дедов,
Прадедов своих.
Не выбросить,
Не вычеркнуть ни слова
Из книг правды.
Книги бытия.
Судьба ведёт решительно, сурово
Дорогой жизни в новые края.

Высокие, заоблачные сферы
Какими тайнами грозят тебе и мне?
Всего важнее вера,
Честь и вера,
Любовь к родимой русской стороне.

16.

В Орле моём
Его библиотека,
Учитель наш и друг
Из года в год,
Возносит к небу имя Человека,
Зовёт к добру читающий народ.
Прекрасны книги прозой и стихами,
И вечным зовом к мудрой старине...
И Родина встаёт перед глазами,
И солнце улыбается в окне.
И речка серебристая смеётся,
И клёны выше, травы зеленей,
А соловей защёлкает, зальётся,
И сразу видно:
Русский соловей!
Россия, Русь -
Великая Россия,
Страна равнин и рек,
Высоких гор,
Люблю снега,
Дожди твои косые,
Весенних птиц весёлый разговор,
Люблю рассветы,

Вечер синий - синий,
Твою гармонь, берёзку у крыльца...
Твой добрый свет
Для дочери и сына,
Твой вечный сон
Для мамы и отца.
Вот вижу холм
Героев глеют кости,
То память схватки давней
Под Орлом,
Когда сюда непрошенные гости
Пришли, гремя старинным большаком.
Земля моя курганами богата,
Вон там снаряды рвали тишину,
А там, где Кромы,
Брат родного брата
Поднял на штык в Гражданскую войну.
«Да будет мир!» -
Всё громче голос в храме.-
Да будет мир!
Да светится любовь!»
Печальный чибис вьётся
Над лугами,
Оплакивая кровь,
Любую кровь...
Судьба велит:
«Глядите люди, в оба!»-
Неужто снова ужас проглядим?
Неужто вновь
Рванёт второй Чернобыль
На сотни вёрст и сотни Хиросим?!

Души моей предел желанный

Растёт раскол на бедных и богатых,
Лишая многих отдыха и сна.
Стучится в дверь не праздник,
А расплата.
Очнись, страна!
Одумайся, страна!
Горит заря над рощами, полями,
Над вечным гулом улиц, площадей,
Нам вечный зов,
Как заповедь,
Как знамя:
«Что сделали мы, люди, для людей?!»
Издалека до нас доносит ветер
Тревожный крик,
Качая провода:
«Откуда зло?»
«От дьявола!» - ответил
Кронштадтский старец
Горькому тогда.
Ну, что сказать, заканчивая повесть,
Когда мы вновь взялись тонуть во зле?
Свободу чтим...
А правду, честь и совесть?!
Ведь совесть - голос Бога на Земле!
Не бережём традиции, а рушим,
Проходит жизнь в торгашеских делах
И тонет крик: «Спасите наши души!»
Как парус белый
В яростных волнах.
В себя,
В себя, пожалуйста, поверьте:

Мужают сердце, разум и рука
Крепка любовь...
«Любовь сильнее смерти!» -
Был русский вывод сделан на века.
К единству звал писатель,
Твёрдо веря
В родной народ,
Великий наш народ,
Когда коварный враг
Стоял у двери,
Готовил танки в гибельный поход.
Мы встали, опалённые ветрами
Великих бурь в сиянии зари.
Был с нами Бог!
И были только с нами
Всех героических эпох богатыри...
Богатыри рождаются на Волге
И на Оке, в распахнутой дали,
Былинами - торжественно и долго -
Приходят к нам,
Как чудо - корабли.
Как стая птиц весенних, белогрудых,
Как летних звёзд роскошный хоровод.
Как доказательство того простого чуда,
Что Русь жива,
Россия не умрёт.

2008-2010

СОДЕРЖАНИЕ

УЧИТЕЛЬ

Поэма о жизни на земле и наставлениях

Иисуса Христа во имя света, добра и любви.....5

РУССКОЕ ЧУДО

Михайло Ломоносов.....87

СИЯНЬЕ ВЕЧНОЙ КРАСОТЫ

Александр Пушкин.....171

СМЕЛЫЙ СОКОЛ

Максим Горький.....229

Василий Михайлович Катанов

ДУШИ МОЕЙ ПРЕДЕЛ ЖЕЛАННЫЙ

Поэмы

**Книга издана по заказу
БУКОО «Орловский Дом Литераторов»**

Дизайн и вёрстка - А.Е. Плетнёв
Корректор - П.А. Гапоненко

Издательский Дом «Орлик»
(Орловская литература и книгоиздательство)
г.Орел, ул. 3-я Курская, 20. Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48.
E-mail: zakaz@orlik_id.ru | www.orlik-id.ru

Подписано в печать 15.10.2014. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16,86. Тираж 500 экз. Заказ № 65.

Отпечатано на полиграфической базе
Издателя Александра Воробьёва: г. Орёл, пер. Новосильский, 1.
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48, 55-47-01.
E-mail: zakaz@orlik_id.ru | www.orlik-id.ru